

Станислав ФЕДОТОВ

ПОД ЗНАКОМ АМУРА
СХВАТКА ЗА АМУР

Новый исторический роман

Станислав Федотов

**Под знаком Амура.
Схватка за Амур**

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Федотов С. П.

Под знаком Амура. Схватка за Амур / С. П. Федотов —
«Издательство АСТ», 2011 — (Новый исторический роман)

ISBN 978-5-17-150333-8

Волки подстерегают Муравьева и его единомышленников на каждом шагу. Волки в обличье французского императора и главы его разведки, премьер-министра Великобритании и английских агентов, российского канцлера и военного министра, волки в масках интриганов и доносчиков, ненавистников и разгильдяев. Нападения можно ожидать с любой стороны, и как тут не озлобиться? Однако есть противостоящие им силы – и при русском императорском дворе, и в казачьей семье. И силы эти питаются любовью. Невельской со товарищи, несмотря на полуголодное существование, разворачивают исследования нижнеамурских земель; их жены помогают налаживать контакты с местным населением. Муравьев озабочен защитой Камчатки, поскольку уверен, что Англия готовит войну против России с целью завладеть Амуром; он добивается указа о переводе крестьян, приписанных к горным заводам, в вольное казачье сословие, создает Забайкальское казачье войско. И везде рядом с ним его верная Катрин. Но они не знают, что Анри Дюбуа потерял жену, отравленную письмом «от генерала Муравьева», и отправился на Амур – мстить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-150333-8

© Федотов С. П., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Книга третья	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Станислав Федотов
Под знаком Амура. Схватка за
Амур: Волчья стая. Мы здесь свои

© Станислав Федотов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Книга третья Волчья стая

Глава 1

1

Огромный беркут на вершине высокой скалы расправил могучие – в размахе на полторы сажени – крылья, готовясь к полету, и обозрел свои охотничьи владения. От голого вздыбившегося камня под ним они простирались вниз по склону сопки, настолько крутому, что на нем не удерживались большие деревья – только густо переплелись кедровый стланик, лимонник, бузина и жимолость, укутав толстым пологом основание скалы.

Этот полог надежно скрывал разную пернатую и шерстистую мелочь, и потому беркут здесь не охотился. Не пользовался он и летающей и бегающей дичью из таежного чернолесья, захватившего менее крутые склоны сопки: среди елей и пихт ему просто негде было развернуться. Его уголья были ниже, там, где тайга постепенно переходила в степную широкую долину, усеянную пятнами березово-осиновых и черемушно-ольховых колков, и где в изобилии водились зайцы, тарбаганы, лисы-корсаки, фазаны и дрофы и прочая живность, пригодная для пищи.

Но сегодня беркуту хотелось поймать и принести что-то особенное в семейное гнездо, сооруженное правее и ниже на недоступном никакому зверю карнизе – там его самка впервые села высиживать птенцов.

Склонив голову набок, беркут посмотрел на гнездо, встретился взглядом с самкой, моргнул, и одновременный их клекот просыпался эхом в кедровый стланик.

Пора!

Беркут снова распахнул свои широкие крылья, на которых только прошлой осенью исчезли белые пятна – знак неопытной и беззаботной молодости, теперь он стал зрелым орлом, – оттолкнулся от камня и легко набрал высоту. Ему хватило всего двух взмахов – крылья поймали теплые потоки воздуха, идущие из долины, и понесли гордую птицу по восходящей спирали – над просторной землей, на которой светлыми блескучими извилистыми лентами сливались две реки, давая начало новой – полноводной, дышащей весенним холодом. Дыхание ее было таким мощным, что струи его достигали высоты парения беркута и заставляли трепетать, выравнивая полет, большие перья полукруглого хвоста.

Острые глаза беркута схватывали любое движение на земле и на воде. Они видели караваны лодок и плотов на обеих сливающихся реках, а на той, что справа, – попыхивающий дымком пароходик. На плотках и больших лодках – горы грузов, палатки, животные: лошади, коровы и козы в загонах-загородках – и конечно, люди, занятые утренними делами. Кто-то умывался, стоя на коленях на краю плота, кто-то готовил еду на очажках, кто-то что-то мастерил...

Все это беркуту было непонятно и не стоило внимания. Но вот его глаза уловили на одном плоту нечто более привлекательное: бородатый человек вынес из палатки большой кусок мяса, положил его на колоду и начал топором рубить на куски. Беркут наполовину сложил крылья, оттянул их назад и ринулся вниз с нарастающей скоростью. Как вихрь налетел на человека – тот от неожиданности уронил топор и упал на спину. Беркут схватил мясо – широко расставленные когти зацепили все куски – и взмыл в воздух.

Всецело устремленный к своему гнезду, он не увидел, как упавший острый топор перерубил смоленый канат, связывающий плот, и бревна начали расплзаться. Быстрое течение раздвигало их еще сильнее. Лопались одна за одной другие связки, трещали прибитые к бревнам доски, выдирались железные скобы, падали в воду люди и грузы...

2

Николай Николаевич Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири, очнулся ото сна, лежал с раскрытыми глазами и все еще видел реку, плоты, лодки, суматоху людей и себя, сбрасывающего мундир, прежде чем прыгнуть в ледяную воду – спасти людей.

Черт побери, опять этот сон! Он уже видел его не однажды. Каждый раз немного по-другому, но в целом – одно и то же. Куда, в какое будущее заглядывает его беспокойная душа? В том, что это – будущее, он нисколько не сомневался. Глазами беркута он увидел место слияния Шилки и Аргуни, начало могучего Амура, караваны лодок и плотов – это сплавы, как он их себе представляет, он даже узнал того, кто рубил мясо – Степан Шлык. Тот самый столяр из Тулы, который с сыном Григорием пошел в Сибирь за интересным делом, а теперь они вместе ищут девушку-каторжанку, приглянувшуюся Гриньке.

Тут мысли Николая Николаевича расслоились на две, и каждая пошла своей дорогой, почти не мешая другой.

В первой он по-прежнему думал об увиденном. Ну почему, почему это снится?! Кто этот беркут, укравший мясо и устроивший крушение? И вообще, так ли все будет, или это – иносказание, вызванное его непреходящими мыслями об Амуре? Если да, то о чем оно говорит?

Во второй – устыдился своей забывчивости: вот ведь пообещал простым хорошим людям помочь отыскать эту самую девушку – как ее? – да, Танюху, Татьяну Телегину, а руки не дошли. И с девушкой знаком (еще бы не знаком – в прошлом году спасла его если не от смерти, то уж точно от тяжелой раны), и где Шлыки обретаются – знает, а вот сделать ничего не сделал. И некогда было, и по-честному не знал, чем Татьяне помочь: Омская судебная палата на его письмо по пересмотру ее дела даже не откликнулась.

Рядом пошевелилась и глубоко вздохнула во сне Катрин. Катюша... Катенька... Бедная, как она устала от их бесконечного путешествия! Хотя бодрится, весела и оживлена как никогда: за месяц ожидания ледостава на Лене познакомилась чуть ли не со всем женским обществом Якутска и организовала целых четыре виолончельных концерта в сопровождении фортепьяно, сегодня вечером как раз был четвертый. Муравьев с нежностью посмотрел на жену: ее тонкий профиль обрисовывался лунным светом, льющимся в окно маленькой спальни; поправил одеяло на чудной обнаженной груди. Катрин и здесь не отменяла правила, установленного ею после свадьбы – спать всегда вместе безо всяких там ночных рубашек. Он не знал, откуда оно взялось, столь удивительное для русского человека правило, да, собственно, никогда и не задавался этим вопросом, просто принял новинку с тихим восторгом и потом не раз убеждался, какую замечательную роль она играет в их с Катюшей любовных отношениях.

Вот и сейчас – только подумал, и сразу же возникло желание, казалось, все внутри пошло в движение, и захотелось разбудить любимую ласковыми поглаживаниями и легкими поцелуями – а она откликнется мгновенно, он в этом нисколько не сомневался, – но он тут же устыдился своего эгоизма: она же была такая усталая после выступления!

Он грустно усмехнулся, вспомнив эти концерты.

За неимением общественного помещения их давали в канцелярии областного правления, в двух смежных комнатах. В крохотном кабинете областного начальника располагались с инструментами исполнительницы, в соседнем, чуть побольше, размещались слушатели, всего человек двадцать – двадцать пять, но и те битком. Теснотища, духота, но *les musiciennes* были великолепны – Элиза показала истинное мастерство, Катрин за фортепьяно старалась изо всех

сил, да и публика им соответствовала: чиновники, городские казаки, купцы, и не только русские, но и якуты слушали как завороченные и потом бурно выражали свои чувства. Но больше всех, как заметил генерал-губернатор, восторгались молодые офицеры «Байкала» во главе со своим командиром Геннадием Ивановичем Невельским, которые как раз накануне прибыли в Якутск. Они задержались в Охотске, сдавая свой транспорт и подготавливая отчет об открытиях, сделанных в Амурском лимане, для начальника Главного морского штаба светлейшего князя Меншикова, да и путь до Якутска одолели не за семнадцать дней, как генерал-губернатор со своим штабом, а за четыре недели. Они после каждого музыкального опуса хлопали так, что со стены даже посыпалась штукатурка.

По окончании первого концерта старшина купеческого сообщества Платон Колесов и молодые якутские купцы братья Захаровы пригласили почетных гостей города на ужин.

– Ваше превосходительство, – обратился Колесов к Муравьеву, стоявшему с женой и Элизой Христиани в окружении офицеров, – нам известно, что вы не приветствуете и даже отвергаете обеды и ужины в вашу честь, но этот наше сообщество устраивает по случаю редкостного в Ленском крае музыкального праздника, да еще с участием иностранной артистки. Не откажите, ваше превосходительство, и не гневайтесь – мы от чистого сердца.

Муравьев с невозмутимым лицом выслушал речь седовласого скуластого и узкоглазого негоцианта в аккуратной английской сукна с черной бархатной отделкой поддевки и неожиданно улыбнулся, слегка встопорив рыжеватые усы:

– А вы знаете, милейший, не откажу. По случаю праздника не только можно, а и нужно. Вряд ли когда в Якутске был такой концерт.

– Не было, ваше превосходительство, – дружно ответили три брата Захаровы – Константин, Тихон и Федор, а старший, которого уже называли Петр Илларионович, добавил: – Только жаль, много страждущих осталось без праздника.

– А мы повторим концерт, – сказала вдруг Екатерина Николаевна. – Правда, Элиза?

– Да, да, – закивала Христиани. – Повторим. Спасибо!

– Спасибо вам! – с чувством сказал Петр Илларионович и зааплодировал. Все присутствующие – а никто из слушателей не ушел – подхватили аплодисменты. Они бы, наверное, длились еще долго, но генерал-губернатор поднял руку и остановил излияния.

– Достаточно, господа, – он снова улыбнулся, заранее намекая на несерьезность своих слов, – а то наши *les musiciennes* загордятся пуще меры, и придется их спускать с небес на землю.

Екатерина Николаевна первая засмеялась, оценив шутку, ее деликатно поддержали. Колесов и Захаровы широкими жестами пригласили всех на выход, и вскоре участники концерта почти в полном составе (по разным причинам отстали несколько человек) переместились на второй этаж каменного магазина Платона Колесова, где было подготовлено застолье.

После первых благодарственных тостов начальник Якутской области Волинов обратился к генерал-губернатору с прочувствованной речью. Рассказав о более чем двухсотлетней истории первого русского города на севере Восточной Сибири, он обратил внимание главноначальствующего в крае на более чем бедственное положение якутского острога, от которого остались лишь часть стены и одна проездная башня.

– Великой державы не может быть без великой истории, – говорил Петр Игнатьевич, поворотившись всем корпусом налево, где во главе длинного стола сидели Муравьевы, Христиани и капитан-лейтенант Невельской (сердечный друг виолончелистки Вагранов считал неуместным садиться рядом с Элизой и нашел место среди морских офицеров). Бокал с шампанским, который он держал в приподнятой правой руке, явно его стеснял, не позволяя наполнить речь необходимой силой и выразительностью, а ему этого очень хотелось. – Якутский острог, – говорил он, – еще живой памятник нашей истории, и его обязательно надо сохранить для потомков, а еще лучше – восстановить, хотя бы частично.

Видел Николай Николаевич этот острог, вернее, то, что от него осталось. Башня, конечно, впечатляла. Где-то четыре на четыре сажени, рубленая в лапу, шатровая крыша со сторожевой площадкой наверху – вид грандиозный, особенно вблизи. Правда, вызвали недоумение выступающие над проездом на две противоположные стороны навесные часовни – для чего они? Если там прятались охранявшие въезд казаки-стрелки – это понятно, а вот представить в них молящихся сложновато.

Волынов закончил здравицей в честь замечательных исполнительниц бессмертной музыки, которые, без сомнения, оставят свой след в истории города, чем заслужил долгие аплодисменты. После чего все выпили, Волынов сел и выжидательно посмотрел на Муравьева: что, мол, скажете, ваше превосходительство?

Не собирался Николай Николаевич говорить, но – ничего не поделаешь, придется. Он взглянул на Екатерину Николаевну, увидел в ее глазах всегдашнюю поддержку и встал. Гомон за столом, начавшийся было после первой рюмки, моментально стих.

– Дамы и господа, – сказал Муравьев, глядя, словно в даль, в пространство над столом, – мне нечего сказать о концерте, кроме того, что прошел он в ужасных условиях как для исполнительниц, так и для слушателей. А потому обращаюсь к представителям торгово-промышленного сословия: пустите, господа, шапку по кругу и постройте в Якутске хорошее здание Общественного собрания, где и вам можно было бы встречаться после трудов праведных, и артистам заезжим давать концерты или представления. Придет время, и наладится пароходное сообщение по Лене и другим рекам нашего необъятного края – и торговля веселей пойдет, и промышленность будет расти, и артисты сюда поедут с охотой. Тогда и деньги найдутся для восстановления острога, а пока, Петр Игнатьевич, не обессудьте. Сохранять сохраняйте, на это средств много не требуется, можно где-то и сэкономить, а восстанавливать предоставим потомкам. Если они будут не дураки, на что я очень надеюсь, то сделают все в лучшем виде.

Вспомнив эту речь, Муравьев поморщился, недовольный своей излишней склонностью к пафосу – уж сколько раз корил себя за это, а все нейдет, закинул левую руку за голову и задумался. Глаза привыкли к голубому полумраку, созданному в спальне ровным светом луны, даже то, что, казалось бы, скрывалось в тени, обрисовывалось четкими линиями, ни во что не надо было вглядываться, и это настраивало на меланхолические размышления.

Да-а, потомки... Какими-то они будут, оценят ли в полной мере труды во благо Отечества своих предков, да вот хоть Геннадия Ивановича Невельского со товарищи, приумножат их или, напротив, профукают ни за хрен собачий? Добро-то, оно ведь наживается трудно – мозолями, потом и кровью, а по ветру развеивается в одночасье: р-раз – и нету его, а потом ищи-свищи!

Геннадий Иванович, Геннадий Иванович... А ведь на него теперь канцлерская псарня спустит всех собак: ну как же, посмел нарушить высочайше утвержденные инструкции! А это, при умелой подаче обстоятельств, грозит разжалованием, если не чем похуже. Надо немедленно писать императору правду и обязательно использовать придумку Миши Корсакова насчет левого берега Амура. Как там было в решении Амурского комитета? Муравьев помнил почти дословно: «...желательно, чтобы левый берег устья Амура и находящаяся против него часть Сахалина не были заняты никакою постороннею державою...» Невельской все выполнил в точности, и государь должен об этом знать, прежде чем канцлер граф Нессельроде вывернет сведения в свою пользу. Поэтому Геннадия Ивановича с его офицерами следует немного придержать в Иркутске, а Мишу Корсакова, наоборот, с письмами и отчетами отправить вперед, в Петербург, как можно скорее. Аллюр три креста!

Катрин разбудил свет из соседней комнаты. Несильный, от двухсвечового шандала, он тем не менее не давал снова заснуть. Она встала, выглянула из-за дверной портьеры, нет ли кого постороннего, и, не прикрывая наготы, неслышно подошла сзади к задумавшемуся в кресле мужу. Он сидел, откинувшись на спинку, голые ноги выглядывали из распахнувшегося халата.

На столе перед ним стоял раскрытый походный письменный прибор – чернильница-непроливайка, песочница, ручка-вставочка со стальным пером – и лежало недописанное письмо.

Катрин взглянула на ходики: ужас, пять часов утра! Она уже хотела так же неслышно вернуться в спальню – привыкла не мешать мужу работать, а часто и помогала, пища бумаги под его диктовку, как вдруг Николя развернулся, ловко ухватил ее за талию, и Катрин в мгновение ока очутилась у него на коленях, а их губы соединились как бы сами собой.

– Как ты догадался, что я тут стою? – оторвавшись, почему-то шепотом спросила она.

– Я думал о тебе, – тоже шепотом откликнулся он. – В три часа проснулся – сон опять увидел про сплав, а ты рядом, раскрылась – такая желанная!

– Ну и пришел бы ко мне. Ты же знаешь – я всегда тебе рада.

– Жаль было твой сон нарушать. Вот встал и взялся за письма.

– И все желание пропало, – грустно произнесла Катрин.

– Ошибаешься, – озорно блеснул глазами Николя. – Оно у меня никогда не пропадает.

– Так что же ты медлишь?!

3

В ожидании прочного льда на Лене Муравьев и Невельской почти все свободное время проводили в беседах. Вернее сказать, Невельской выкраивал время для этих встреч, потому что у него было очень много работы по подготовке материалов экспедиции к представлению в Главный морской штаб, да еще и доклад хотел сделать для Императорского Географического общества. Муравьев же не спеша знакомился с управлением Якутской областью, изучал местные промыслы, принимал жалобы – а их было немало, главным образом на несправедливый пушной торг, который захватили несколько торговых домов. Разговор с купцами по этому поводу прошел весьма жестко, а когда тот же Платон Колесов намекнул на законы гостеприимства, генерал пришел в ярость.

– Меня, уважаемый, обедами и ужинами не купить! – рявкнул он так, что все присутствующие заметно сжались. – Несправедливости и беспределы в отношении к незащищенным не потерплю ни от кого, даже от друга и родственника. Так что извольте исправляться и впредь подобного не допускать. Иначе... – Муравьев не договорил, но все и так поняли, чем может обернуться неисполнение.

В меру своих сил и умений трудились адъютанты, Вагранов и Енгальчев. Генерал поручил им обследовать службу и быт местных казаков; урядник Аникей Черных с товарищами тоже не остались в стороне.

Доктор Штубендорф с утра до вечера вел прием больных в городской лечебнице; в гостиничку, куда определили офицеров, возвращался усталый, голодный, но – довольный. За время путешествия он соскучился по своей работе, которую любил до самозабвения.

Екатерина Николаевна и Элиза поначалу репетировали, но потом Элиза напросилась к Ивану Васильевичу – хотела своими глазами увидеть, как живут казачьи семьи. Ей это было тем более интересно, что службу здесь несли не только русские, но и якуты, и тунгусы, и довольно много было смешанных семей. Вагранов, конечно, с радостью включил ее в свою маленькую группу. Его musicienne оказалась на удивление дотошной: что ни возьми – повинности ли казаков, права ли, снабжение продуктами и оружием или обучение детей, – во всем старалась докопаться до возможных глубин и самой сути.

Екатерина Николаевна поскучала пару дней и присоединилась к подруге.

В общем, все оказались при делах, чему Николай Николаевич был весьма рад. Он сам не терпел праздности и другим не позволял. Исключение мог делать только женщинам, но Екатерина Николаевна не желала, чтобы ей оказывали снисхождение и давали поблажки. Она стремилась во всем соответствовать мужу, что, между прочим, весьма понравилось Невельскому,

который однажды в разговоре с Муравьевым даже выразился в том духе, что очень желал бы иметь супругу, похожую на Екатерину Николаевну.

– За чем же дело стало? – засмеялся Николай Николаевич. – Есть у нас в Иркутске такая девица на выданье, племянница губернатора Владимира Николаевича Зарина. Тоже, кстати, Катенька, Екатерина Ивановна. Вот-вот семнадцать стукнет. Вам в самый раз.

– Да я для нее уже старый, – сконфузился Невельской. – Двадцать лет разницы...

– Ерунда, дорогой мой, сущая ерунда! Вы для нее будете един в двух лицах: и муж любимый, и отец родимый. А это необыкновенно приятно – по себе знаю. Так что приедем в Иркутск, на первом же обеде вас и познакомим.

Разговор этот случился как бы между прочим; ни тот, ни другой из собеседников даже не предполагали, что именно этот момент изменит как судьбу Геннадия Ивановича, так и грядущие их отношения друг с другом.

Но это еще только будет, а пока что два мужественных офицера, не раз показавших отвагу и стойкость – один в сражениях с врагом, другой в схватках со стихией, два смелых первопроходца – и по духу, и по делам, наконец, просто два честных, благородных, абсолютно бескорыстных человека сидели за вечерним чаем с рюмочкой коньяку и трубочкой хорошего табака и беседовали о делах насущных.

– Вы, Геннадий Иванович, не раз бывали в Англии – что вы можете сказать об англичанах?

– Об англичанах? – Невельской отхлебнул чаю, затянулся трубкой и пустил колечко дыма, которое, почти не расплываясь, воспарило к потолку. Проследил за ним и только тогда ответил: – Вот мы с вами пьем английский чай, курим английский табак, а ведь ни то, ни другое в Англии не выращивают. И чай, и табак они берут в своих колониях, которые открывали искатели приключений, а прибирали к рукам предприимчивые дельцы. Вот в этом, по-моему, суть их народа – в сочетании авантюризма и сугубого прагматизма.

– Пожалуй, я с вами соглашусь, – задумчиво сказал Муравьев. – И ведь именно это сочетание может подвигнуть их на крайне опасную для России операцию – захват Авачинской бухты. Для России это была бы невосполнимая потеря! А в столице некоторые знатоки, – последнее слово Муравьев произнес с неприкрытой издевкой, – вполне могут посчитать: ну и пусть, мол, захватывают – понадобится, мы ее потом с суши освободим. А того не сообразят, что, пока мы будем двигать туда войска по суше, захватчики так укрепятся, что их ничем будет не выковырять оттуда даже за десяток лет.

– Да, по суше, наверное, надобно не меньше года для доставки войск от Иркутска до Петропавловска, – сказал Невельской, попыхивая ароматным дымком.

– Какое там не меньше года, Геннадий Иванович! – с неожиданной обидой воскликнул Муравьев. Невельскому показалось, что генерала задело его спокойствие. – Три лета для солдат и три зимы для артиллерии. И по тысяче рублей на человека – если не больше – на пропитание и прочие расходы! А англичане все, что нужно для обороны, завезут морем за несколько недель из Индии или Гонконга. И базу для флота оборудуют за милую душу, там для этого все условия имеются. – Муравьеву уже не сиделось. Он вскочил и заходил кругами по маленькой комнате. Невельской молчал, думал, следя глазами за метаниями генерала. – Я все больше убеждаюсь, Геннадий Иванович, что надо как можно быстрее укреплять Петропавловский порт, перенести туда Охотский и, пока не решен вопрос с Амуром, для обустройства сухопутной дороги от Якутска до Аяна создавать вдоль нее земледельческие поселения.

– Аян, Аян! – с нескрываемым раздражением вдруг воскликнул Невельской. – Вот перенесли порт из Охотска в Аян, теперь дорогу надо туда устраивать, а какая особая разница между Охотском и Аяном? Да никакой! И тот и другой для нормальной стоянки кораблей непригодны. Я вообще подозреваю, что Завойко затеял эту историю с Аяном из чисто личного интереса.

– Какого? – поднял руку Муравьев, останавливая напор капитан-лейтенанта. И остановился сам, сел за столик. – В чем, по-вашему, его личный интерес?

Генерала насторожила горячность Невельского, в ней он увидел обычную человеческую ревность: ну как же, Завойко всего-то на год старше, а уже капитан первого ранга, утверждают губернатором Камчатки – станет контр-адмиралом. И последующие слова Геннадия Ивановича только подтвердили его предположение.

– В Охотске он был всего лишь лейтенантом, а, основав новый порт, сразу пошел вверх...

– Извините, Геннадий Иванович, но вы понимаете, что значит – основать новый порт? Вы ведь были в Аяне, видели целую улицу добротных домов, портовые постройки, а ведь пять лет назад там ничего не было. Ничегошеньки! Все сделал Василий Степанович своими руками, своей командой! Мало того что своими руками – так и своими средствами, найдя на месте и строевой лес, и глину для кирпичей. Представляете? Рамы, двери и даже мебель начальник фактории делал сам. И кирпичи выжигал. И жену свою, беременную и с малыми детьми, не побоялся перевезти на голое место. А почему? Да потому, что был уверен в своих силах, в своих способностях. Они приехали в палатки, а к осени уже были жилые дома. И ни копейки средств на это не истратил, за исключением железа и стекла, привезенных из Америки.

Наступила пауза. Николай Николаевич устал от своей возбужденной речи, а Геннадий Иванович раздраженно курил и молчал.

Муравьев вспомнил свое посещение дома Завойко. Рубленый из лиственничных бревен, с высоким крыльцом (чтобы зимой не приходилось прокапываться сквозь сугробы) под коньковым навесом, он был пятым в ряду на улице, уходящей в долину между двух гор. Первый дом занимала контора отделения Российско-Американской компании, второй, значительно больший, – команда, третий – служащие Компании, четвертый – доктор со своим приемным покоем. За домом Завойко стояли жилище священника и церковь.

Василий Степанович, прибывший в Аян из Петропавловска сразу же после прихода туда Невельского, пригласил к себе на обед генерал-губернатора и офицеров транспорта «Байкал». В небольшой уютной гостиной их встретила жена Завойко Юлия Егоровна – молодая миловидная улыбчивая женщина в окружении детей. Три старших мальчика – семилетний Жора, пятилетний Степа и приемный сын Костя Криницкий (его отец, охотский доктор, пропал без вести, объезжая окрестности, а мать убили арестанты) – сразу же прилепились к морякам, двухлетняя Маша пряталась за юбку матери, а годовалая Катюшка спала на руках бородатого матроса Кирилы, который уже восемь лет служил в семье Завойко нянем и стал для них незаменимым и вообще родным человеком.

Обед был скромным, но довольно-таки изобильным: закуски из черемши и щавеля с вареной картошкой, морковью и мелко порезанной олениной, заправленные постным маслом и сметаной, густой суп из красной рыбы, жареная медвежатина, опять же с картошкой, черничные пироги и чай.

– Откуда здесь картофель и овощи? – удивился Муравьев. – И это чудо – сметана?!

– Свои, Николай Николаевич, – улыбнулся Завойко и посмотрел на зардевшуюся жену. – У нас тут у всех и огороды, и коровы есть. Юлия Егоровна с детьми этим занимается.

И сказал это с такой откровенной любовью к жене, что Муравьев, до того оценивший лишь его деловую хватку, вдруг почувствовал в нем родственную душу и порадовался, что не ошибся в выборе кандидата на пост камчатского губернатора.

– Не верьте ему, Николай Николаевич, – сказала Юлия Егоровна. – Это он сам всем успевает заниматься. А я больше по дому да с детьми.

«С детьми», – завистливо вздохнул про себя генерал и только теперь внимательнее пригляделся к хозяйке дома. Урожденная баронесса фон Врангель, дочь доктора права, вышла замуж за тридцатилетнего моряка и отправилась с ним на Охотское море. Ну ладно была бы старой девой, ну ладно пошла бы за богатого или получившего большой чин – так нет же, сама

– юная красавица, а муж – семь лет в лейтенантах и только через четыре года жизни в Охотске станет капитан-лейтенантом. Кто для нее был примером? Жены декабристов? А может быть – и это скорее всего – родная тетушка Елизавета, поехавшая в двадцать лет аж в Русскую Америку со своим мужем Фердинандом Петровичем Врангелем, главным правителем этой самой Америки? А сколько других, безвестных женщин безропотно разделяют судьбу мужей, офицеров и чиновников, выполняющих свой долг перед Отечеством в диких, неизведанных землях! И судьба эта бывает много жесточе судеб декабристок.

Странно, подумал Муравьев, что владыко Иннокентий назвал лишь Марию Прончищеву женщиной, последовавшей за мужем в его подвижничество. Ведь рядом с ним пятнадцать лет была на Уналашке его собственная супруга с детьми, делила тяготы апостольской жизни, все его радости и печали. Или он считает это повседневное самопожертвование самым обычным, не стоящим особого внимания явлением? Если так, то согласиться с ним невозможно!

А еще Николай Николаевич увидел в доме Завойко на специальной полочке награды Василия Степановича – четыре ордена и серебряную медаль, узнал, что первый орден – Святой Анны 3-й степени с бантом – он получил в пятнадцать лет за участие в Наваринской битве, где, будучи мичманом, командовал четырьмя корабельными орудиями. Узнал и с запоздалым стыдом вспомнил свое самоуверенное заявление в беседе с тем же Иннокентием о том, что только он, Муравьев, да еще Вагранов – люди военные и разумеют, где надо ставить батареи, а все другие пороха не нюхали.

Это тебе щелчок по носу, генерал, усмехнулся он про себя, не занимайся бахвальством.

4

– Вы, наверное, уже написали об этом в Петербург? – неожиданно угрюмо спросил Невельской, и Муравьев очнулся от воспоминаний.

– О чем, Геннадий Иванович?

– Да об этом треклятом Аяне!

– Написал, – медленно, словно нащупывая причину странного скачка настроения собеседника, сказал он. – Миша Корсаков увез две докладные записки. – Генерал разлил коньяк и сделал из своей рюмочки маленький глоток, жестом пригласив Невельского присоединиться, но тот не поддержал его. – Вас что-то встревожило?

– Вы меня простите, Николай Николаевич, но моряки – народ прямой, и я лавировать, перекладывать галсы не буду...

– Так-так, интересно, – протянул Муравьев. – Вы не согласны со мной?

– Насчет Завойко я, конечно, не прав – погорячился, взревновал. Самому неприятно. А вот в отношении Аяна как такового, уж не обессудьте, не согласен.

– И в чем же, соблаговолите ответить? – Генерал даже не пытался скрыть сарказма, но Невельской, казалось, его не заметил.

– Понимаете, дорогой Николай Николаевич, мы уже почти двести лет владеем Камчаткой и могли убедиться, насколько надежно она изолирована от Сибири – тундра, тайга, горы, полная безлюдность и никаких дорог! Считать дорогой нынешний Охотский тракт, как и будущий Аянский, положительно невозможно. Неслучайно еще сто лет назад появился проект снабжения Камчатки и Охотска по Амуру, и даже был создан секретный Нерчинский комитет для организации сплава по Амуру.

– Вот как? – удивился Муравьев. – Значит, мы не первые? Не знал, не знал...

– Да, люди были не глупее нас. И Петр Великий, и Екатерина-матушка на эту реку поглядывали.

– А чего же со сплавом не получилось?

– Да бежал из Нерчинска один каторжанин, видимо, что-то знал и выдал китайцам. Те пригрозили прекращением торговли, вот Сенат и отступил. Но эти прошедшие сто лет показали, что земледелие на Камчатке не снабжает даже то ничтожное население, что имеется в Петропавловске. А это значит, что в случае достаточно продолжительной войны с той же Англией Петропавловский порт долгой осады не выдержит. Даже если мы успеем его укрепить. Для его поддержки нужна сильная эскадра кораблей, которой у нас там еще долго не будет. Перегонять ее из Кронштадта, чтобы держать здесь на голодном пайке, смысла нет.

Муравьев слушал внимательно, не перебивая, и только пальцы, крутившие пустую рюмку, выказывали его внутреннее напряжение. Геннадий Иванович четко осознавал, что вставать поперек уже сложившегося решения весьма и весьма опасно, но остановиться не мог – честь и совесть не позволяли.

– Поэтому затраты, – продолжил он, упрямо наклонив голову, – которые понесет казна вследствие переноса Охотского порта в Петропавловск, а также укрепления последнего и обустройства тракта от Якутска до моря, будут, на мой взгляд, бесполезными. Они не дадут нужного результата.

– И что же, по-вашему, следует делать? – Генерал выделил это «по-вашему», но Невельской был нацелен на то, чтобы высказаться до конца, и не обращал внимания на такие мелочи.

– Наши открытия показывают, что Амур с притоками и Забайкалье есть единое целое, и это целое связано с морем. И если найдется смелый наглец и проникнет в устье Амура, этот край легко станет его добычей. Вы, кстати, об этом сами говорили, и неоднократно. Поэтому наиважнейшей задачей должно быть немедленное занятие устья Амура, а затем, постепенно, и всего нижнеамурского края, а также, в первую очередь, поиск подходящей бухты вплоть до корейского побережья – для учреждения там российского порта. Такая бухта наверняка найдется, и, думаю, не одна. Вот хотя бы та же Де Кастри, открытая Лаперузом. Такой порт может снабжаться круглый год, независимо от морского пути; он станет надежной базой для крупной эскадры, а может, и целого флота – представьте, хотя бы в далеком будущем – Тихоокеанского флота России! Но даже незначительными силами военные корабли с такой базой могут контролировать все российское побережье, поддерживая серьезное политическое значение России на Тихом океане. Кстати, в самое ближайшее время во всех более или менее подходящих для кораблей бухтах, может быть, вплоть до Кореи, надо будет устроить военные посты, чтобы у иностранцев не возникло и малейшего сомнения, что берег принадлежит России. В первую очередь – в той же бухте Де Кастри.

Невельской замолчал и, успокаиваясь, отпил коньяку.

Муравьев продолжал крутить в руках пустую рюмку и тоже молчал. Потом поставил ее на столик, достал из кожаной табакерки тонкую сигарку и прикурил ее от свечи. Затянулся, вытянув губы, пустил струю дыма и только тогда заговорил:

– М-да-а, Геннадий Иванович, задали вы мне задачку. Как генерал-губернатор я должен ежечасно печься об экономии казенных финансов, а по-вашему выходит, что я – безответственный транжира. – Невельской дернулся возразить, но Муравьев остановил его жестом. – Однако отозвать свои представления я не могу, да и ни к чему это делать. Ваши соображения очень и очень дельные – кстати, изложите их на бумаге во всех подробностях, хочу всё спокойно обдумать, – однако же они вполне уживаются с моими. Порт в Авачинской бухте все равно нам нужен, как нужна и дорога от Якутска до моря, так что деньги будут потрачены не зря.

Глаза Муравьева затуманились:

– Знаете, прежде сложно было что-то доказывать, зато теперь, после ваших открытий, у меня, можно сказать, руки развязаны. Даже за год я что-то успею сделать, а ежели Бог даст и государь позволит – в пять-десять лет я сделаю все, что нужно для Камчатки и нашего возвращения на Амур. Вот только денег дают слишком мало, и мне надо добиться, чтобы какая-то часть добываемого у нас золота шла на эти цели. И для того же наладить свой китобойный

промысел или облагать пошлиной иностранных китобоев. Тогда я смогу если не закончить, то хотя бы продолжить дело, что начинали Поярков с Хабаровым и албазинские казаки. Нам с вами, Геннадий Иванович, придется хорошенько поработать, чтобы развернуть восточное крыло нашей орлицы-России, чтобы Отечество про нас не забыло.

– Вас-то точно не забудет, – с заметной горечью усмехнулся Невельской. – А что ждет в Петербурге меня? Известно же, как государь поступает с теми, кто осмелится не подчиниться его воле.

– Не тревожьтесь, дорогой Геннадий Иванович, все будет хорошо. Я не могу поехать с вами в Петербург, чтобы лично заступиться перед кем бы то ни было – без соизволения государя мне выезд в столицу не положен. Но я уже написал о подвиге вашем и вашего экипажа во все инстанции – в первую очередь государю, затем князю Меншикову и, конечно, графу Перовскому. Отписал и графу Нессельроде – как же без него! Но если паче чаяния моя защита не подействует и вас начнут травить, я немедленно подам в отставку.

– Николай Николаевич, из-за какого-то капитан-лейтенанта уходить с высокого поста...

– Во-первых, Геннадий Иванович, вы – не «какой-то», таких людей в нашем Отечестве единицы, а во-вторых, я не могу служить на своем месте, если государь моему слову не доверяет.

– Почему так уж сразу – не доверяет? Он может просто посчитать, что прав Нессельроде, а не вы. Наверное, у графа есть свои аргументы, и весьма весомые?

– Разумеется, есть. Я знаю: он полагает, что нам не нужны новые земли, что надо осваивать то, что есть. И я с ним положительно согласен. Но при этом думаю, что нельзя не использовать подходящее время, чтобы вернуть России то, что было открыто русскими людьми, а потом отторгнуто под угрозой силы. Китай сейчас боится Англии и Америки и не станет ссориться с Россией из-за территорий, которые ему никогда не принадлежали. Я надеюсь, государь оценит этот политический момент и поддержит нас с вами, а не канцлера, который непонятно почему панически боится Китая.

В шандале, потрескивая, горели свечи, испуская сладковатый аромат воска, его не мог перебить даже табачный дым. В соседней комнате, спальне, куда давно уже удалилась Екатерина Николаевна, было тихо – из-за плотно прикрытой двери не доносилось ни звука. Тишина царилась и в другой половине губернаторского дома, который был спешно выстроен к возвращению генерала с Камчатки, – там разместились Элиза с Ваграновым, и они тоже, по-видимому, уже спали.

Муравьев, привстав, взял пузатую бутылку темного стекла и наполнил опустевшие рюмочки. Густым янтарем просверкнула струйка в колыхнувшемся пламени свечей.

– Позвольте? – Невельской принял бутылку из рук Муравьева, провел пальцами по выпуклой надписи на стекле «Cuvvoisier», рассмотрел этикетку «Napoleon Fine Champagne». – Поистине «тонкий, изящный».

Чудо, а не напиток! Как он оказался в этом медвежьем углу?

– Это подарок одного славного человека, бывшего офицера, Андре Леграна. Подарил мне на дорогу две бутылки. Одну мы распили со святителем Иннокентием в Петропавловске, а вторую я предусмотрительно оставил тут на хранение. Вот и пригодилась. Легран говорил, что «Курвуазье» – новый коньячный дом, ему еще нет десяти лет, а он уже успешно конкурирует со старыми домами.

– Превосходный коньяк! – подтвердил Невельской, отставляя бутылку. – А вот скажите мне, уважаемый Николай Николаевич, Франция вас не пугает? Она ведь тоже за колониями охотится, и я уверен, что на камчатские берега заглядывается. По крайней мере, китобой французы в наших морях – не редкость.

– Францию со счетов сбрасывать нельзя – это точно, – согласился Муравьев. – Но у них есть естественный противник – Англия, которая многие французские колонии прибрала к рукам. И пока они грызутся, нам можно Франции не опасаться.

– Я опасюсь всякого, кто может войти в Амур и поставить в устье свой флаг, – проворчал Невельской. – Мы обязаны это сделать раньше всех, пока сведения о нашем открытии остаются тайной для Европы и Америки.

– Я строго-настрого наказал Корсакову никому постороннему не рассказывать.

– А вы думаете, официальные люди в столице умеют и хотят хранить тайны? Я в этом оч-чень сомневаюсь!

Глава 2

1

Королева Великобритании и Ирландии Виктория пригласила министра иностранных дел Генри Джона Темпла, третьего виконта Пальмерстона, на приватную беседу в Букингемский дворец. Поскольку беседа носила частный характер, лорд Пальмерстон не считал нужным извещать об этом премьер-министра лорда Джона Рассела, хотя, по-честному, отлично понимал, что эта встреча – одно из звеньев ползучей реставрации абсолютизма, проводимой в последние годы королевой, недовольной тем, что парламент ощутимо ограничивает ее права монарха.

Впрочем, он столь же отчетливо сознавал, что истинным инициатором этой попытки возвращения во времена Тюдоров был супруг королевы и отец ее уже шести детей герцог Саксен-Кобург-Готский Альберт. После бракосочетания его стали называть принцем-супругом, но Виктории хотелось выполнить тайное желание горячо любимого и, надо сказать, весьма образованного и умного мужа – она мечтала его короновать. Однако большой друг и первый премьер юной королевы Уильям Лэм, второй виконт Мельбурн, отсоветовал ей излишне возбуждать палату общин парламента, обойти которую в этом вопросе было невозможно.

– Наша нижняя палата, ваше величество, – сказал он в одну из традиционных субботних встреч тета-тет, – может возводить короля на престол, но может и низвергать с него. И она дорожит этой возможностью, как девушка – своей невинностью: стоит один раз уступить, и репутация будет подорвана навсегда.

Королева покорно склонила голову, но не сдалась. Всегда внимательная к советам принца-супруга, она повела подкоп под парламент, как говорится, тихой сапой. И приватная встреча с министром иностранных дел была одной из ячеек этого подкопа.

Немногословный слуга в ливрее проводил сэра Генри в рабочий кабинет ее величества окольным путем. Проходя по роскошно отделанным апартаментам, лорд видел через дверные проемы, что в других помещениях царит беспорядок: в Букингемском дворце полным ходом шла реконструкция («Она уже почти десять лет идет полным ходом», – иронически подумал Пальмерстон), которой руководил архитектор Томас Кьюбитт, параллельно занимавшийся строительством Осборн-хауса, летней резиденции королевы на острове Уайт. Может, потому все и затянулось, что мистер Кьюбитт взвалил на себя слишком тяжелую ношу. «А вот у нас получается», – не без самодовольства отметил сэр Генри. Он имел в виду, конечно, две войны, которые Великобритания провела практически одновременно: четырехлетнюю в Афганистане и двухлетнюю, которую называли «опиумной», в Китае. И это не считая колониальных в Нигерии и Индии. В Нигерии конца еще не видно, а вот в Индии Ост-Индская компания покончила с государством сикхов в Пенджабе (естественно, силами регулярных войск: империя не бросает своих негодяев на произвол судьбы), и теперь можно говорить, что эта жемчужина Востока в полную силу засияла в короне империи.

Внешне холодный и застегнутый на все пуговицы министр иностранных дел наедине с собой и близкими людьми (нередко и с женщинами, которых он любил, несмотря на солидный возраст) мог позволить себе некоторую поэтическую выпендренность. Впрочем, не эта ли скрытая поэтичность его сугубо рациональной натуры двигала им, когда он поддерживал революционные волнения в Европе, за что даже получил прозвище Лорд-поджигатель? Королева была этим недовольна, но коллеги-министры понимали его действия как направленные на подрыв торговых и колониалистских конкурентов империи, а потому всецело их поддерживали. Недавно премьер-министры менялись, а сэр Генри оставался главой министерства иностранных дел.

В общем, десятилетие Виктории прошло под знаком виктории, усмехаясь, скаламбурил Лорд-поджигатель, но тут же вздохнул. Вспомнилось, что война с афганцами, которая началась в год коронации юной принцессы, омрачилась гибелью в горах Нангархара, на пути в Джелалабад, шестнадцати тысяч британцев и индийцев, попавших в ловушку, то есть почти половины экспедиционного корпуса. Такого поражения не случалось за всю историю империи, с тех дней, когда Джон Ди, придворный астролог великой Елизаветы, так назвал Соединенное Королевство. Правда, через восемь месяцев две дивизии, выступившие из Индии, взяли Кабул, и возмездие не миновало непокорных, но, как говорится, осадок остался. Очень неприятный осадок!

От размышлений министра оторвал осторожный стук слуги в дверь кабинета ее величества. И словно только это и ожидалось, дверь распахнулась, выпуская в приемную целую толпу гувернеров, гувернанток, нянюшек, которые опекали не меньшее количество детей. Старшие – Виктория, Альберт Эдуард, Алиса и Альфред шли сами, а младшие – трехлетняя Елена и полуторагодовалая Луиза восседали на руках нянек. Юные члены королевской семьи были радостно возбуждены: глазки блестели, щечки румянились, рыжеватые – в папу-немца – волосы завивались крупными кольцами. Девочки и мальчики шли парами и о чем-то перешептывались, бросая на взрослых быстрые веселые взгляды.

Пальмерстон с почтительным полупоклоном и вежливой улыбкой пропустил, посторожившись, всю эту разновозрастную ораву, которая, кажется, даже и не заметила седовласого джентльмена. Да-а, нечасто мама балует своих детей вниманием, подумал он, если устраивает им прием в рабочем кабинете, и они этому рады до смерти. Проводил их взглядом и обернулся, услышав металлические слова своего сопровождающего:

– Сэр Генри Джон Темпл, третий виконт Пальмерстон, ваше величество.

– Проси, – ответил хорошо знакомый мелодичный голос.

Пальмерстон вошел в кабинет и от порога слегка наклонил голову, здороваясь. Будучи представителем партии вигов, да и по натуре не склонный к подобострастию, он считал излишним склоняться перед королевской четой.

Как он и ожидал, королева была не одна: принц Альберт, перебирая бумаги на рабочем столе, поднял голову и кивнул на приветствие министра. Королева, тридцатилетняя женщина в расцвете своей красоты, несколько тяжеловато поднялась с дивана, на котором, видимо, занималась с детьми, и, протянув правую руку, сделала навстречу лорду несколько шагов. «О боже, – подумал Пальмерстон, – да она, кажется, снова заряжена. Ай да принц, ай да немец! При такой производительности эта пара обеспечит женихами и невестами все монархии Европы, и слово Великобритании будет в этих монархиях значить очень много. За одно это можно каждый день начинать с восторженного “Боже, храни королеву!”».

– Мы пригласили вас, Пальмерстон, чтобы из первых уст услышать про обстановку в Европе. – Королева взяла лорда под руку и увлекла к дивану. Села сама и легонько хлопнула ладонью рядом, указывая сэру Генри место, которое он занял с полупоклоном. – Вы ведь нам редко и с запозданием докладываете о внешней политике правительства, а некоторые действия вообще скрываете от нас. – И она оглянулась на принца, который устроился в кресле за столом, на его холеном лице, украшенном франтоватыми усиками и пышными бакенбардами, отражалось напряженное внимание.

Интонации королевы были припудрены вроде бы легким укором, однако виконт явственно расслышал злое недовольство. Тем не менее ничего отвечать не стал, да Виктории, похоже, ответ и не требовался.

– Правда, некоторые члены парламента, – продолжила она, – уверяют меня, что нам это ни к чему. Мол, королеве достаточно выступать осенью с речью на открытии парламента, принимать высоких гостей из-за границы и наносить визиты самой. Ну и время от времени знакомиться с жизнью Англии.

– Вы забыли, дорогая, про рождественские елки, – нарочито саркастически добавил принц.

Виктория согласно кивнула, а Пальмерстон внутренне усмехнулся: уж слишком явно принц-супруг проявлял свою претензию на что-то большее, чем позволял его статус. Рождественские елки появились в Англии вместе с Альбертом: именно он завез из Германии эту праздничную традицию и теперь ежегодно зажигал свечи на королевской елке в Виндзорском дворце. Неплохо, конечно, совсем неплохо, но для коронования маловато. Впрочем, для компенсации неудовлетворенных семейных амбиций надо им что-то подкинуть.

– Ваше величество, – торжественно сказал он, – вы можете вполне законно требовать регулярного отчета о работе правительства и парламента, особенно по иностранным делам – вы же глава Соединенного Королевства, представляете его перед другими государствами. И вы можете высказывать свое мнение, к которому должны прислушиваться и премьер-министр, и спикеры обеих палат. Тем более что время вашего правления будут называть эпохой Виктории или Виктории и Альберта, но никак не Мельбурна, Пиля или Гладстона, не говоря уже о спикерах или рядовых министрах. – Пальмерстон заметил, как при словах об эпохе зарумянились щеки принца, и понял, что попал в самую точку. Взглянув в глаза королевы, уловил их довольный блеск и продолжил: – Что же касается положения в Европе, то оно, ваше величество, сегодня стабильное. Революции всюду закончились и новых не ожидается.

– Вы так думаете? Революции быстро не кончаются. Они захлестнули даже миролюбивую и счастливую Германию. Мне прямо-таки стыдно за добрых немцев – что с ними случилось? А кто гарантирует, что зараза не перекинется на наши острова, что мы не лишимся Канады и других владений? Вон во Франции опять республика! Этот ужасный президент, племянник Наполеона...

– Вы же знаете, ваше величество, чем закончилась так называемая Великая французская революция и первая их республика? Империей Бонапарта. И сейчас республиканцы уже почти полностью изгнаны из французского парламента, а их место заняли монархисты. Президент прибирает к рукам армию и полицию. Думаю, через год-два Шарль Луи Бонапарт повторит подвиг своего дядюшки, которого, как известно, он обожает, и станет новым императором. И почем знать, – может, вашим лучшим другом. Это было бы весьма кстати. А вот что нас заботит по-настоящему, так это – Россия. Особенно после того как ее войска подавили венгерское восстание.

– Ну и замечательно, что подавили! Русский царь показал себя смелым и решительным. Настоящий монарх!

– Это и пугает. Он всегда и везде показывает свою решительность, а его генералы и офицеры берут с него пример. Когда в тридцать седьмом году русским резидентом в Кабуле объявился поручик Виткевич, Ост-Индская компания так перепугалась за свои индийские владения, что нам пришлось начать войну с Афганистаном.

– Вы шутите, сэр Генри!

– Ничуть, ваше величество. России нужен выход к теплым морям. Она мечтает завладеть Босфором и Дарданеллами.

– Но там – Османская империя, – неожиданно подал голос принц Альберт.

– Да, ваше высочество, которая хочет вернуть Крым. Но она слабеет с каждым годом, становясь чуть ли не протекторатом России, чего мы, естественно, не можем допустить, и наша задача – подставить ей надежное плечо.

– Свое? – удивился принц. – Это как-то не в духе Лорда-поджигателя.

– Для этого нам и нужна Франция, – довольно цинично улыбнулся министр. – Вместе с ней мы подвигнем Турцию к войне за Крым, в нужный момент вступим в эту войну и легко отодвинем Россию от Тихого океана.

На красивом лице принца появилась ироническая гримаса:

– Простите, Пальмерстон. Я ослышался, или в географии до сих пор происходят открытия? Я всегда считал, что Крым невероятно далек от Тихого океана.

– Эпоха великих географических открытий продолжается, ваше высочество. Буквально сегодня я получил известие из Петербурга, что некий русский капитан-лейтенант Невельской обследовал устье великой сибирской реки Амур, доказал его проходимость для морских кораблей и попутно открыл, что Сахалин – не полуостров, а остров. И Тихий океан от Крыма не так уж и далек. По крайней мере, в контексте интересов Великобритании.

– Благодарю вас, Пальмерстон. Я получил исчерпывающее объяснение.

Однако недоумение выразила королева.

– Дорогая, – мягко произнес принц-супруг, – сэръ Генри имеет в виду, что мы, то есть Великобритания, очень много потеряем, если допустим, чтобы русские закрепились на побережье Тихого океана. Война за Крым отвлечет их силы и внимание от Амура, и у нас в том районе будут развязаны руки. Не так ли, Пальмерстон?

Министр наклонил голову, подтверждая его слова, а сам подумал, что сегодня заложил приличный камень в фундамент своего будущего премьерства. Не в пример своей супруге, принц чертовски умен, схватывает все на лету и был бы, пожалуй, неплохим королем, тем более что уже стал родоначальником новой династии – Кобург-Готской – британских королей. Однако единственное, что ему светит – это король-консорт, и то вряд ли. И, пожалуй, это даже хорошо: при всем своем уме принцу не хватает дальновидности и широты взглядов.

Словно в подтверждение его мыслей принц не преминул выставить свою идею фикс:

– В первую очередь России следует отодвинуть от Дуная и Одера. Ослабить контакты русского царя с Австрией и германскими государствами. Отобрав ее западные пограничные земли, мы можем превратить ее в чисто азиатское государство, которое уже не будет играть существенную роль в управлении Европой. Ту роль, которую Россия не по заслугам получила после нашей общей победы над Наполеоном.

«Легко сказать “отобрать”, – подумал виконт, – так она их и отдала. Тем более после всех своих побед, которые принц не хочет признавать. Как будто что-то зависит от его признания или непризнания. А вот не допустить русских к проливам и в Восточное Средиземноморье – это в наших силах, и я жизнь положу, чтобы этого добиться».

А вслух сказал:

– Россия не хочет быть азиатским государством, хотя, действуя аккуратно на Востоке, могла бы добиться многого. Но она стремится в Европу, ей почему-то страшно хочется европейского признания, и мы, играя на этом, отрежем ей путь на Восток, а потом укажем на ее истинное место – на задворках.

– Судя по вашей осведомленности в русских делах, – сказала Виктория с улыбкой, которую многие, но не Пальмерстон, посчитали бы одобрительной, – меня не удивит, если выяснится, что вы как министр иностранных дел имеете агентов влияния в окружении русского императора.

– Разумеется, они есть, ваше величество, и вы все-таки удивитесь, если когда-нибудь узнаете, насколько высоки их посты при его дворе.

– Вы меня заинтриговали, Пальмерстон. Кто же это?

– Государственный секрет, ваше величество. Я не могу его открыть даже вам. Скажу лишь, что игра уже идет. Не так давно императором создан Амурский комитет для решения важнейших вопросов на востоке Сибири. Из этого следует, что дело будет провалено: вы же знаете, комитеты, как правило, для того и создаются, чтобы заболтать важные вопросы. Поэтому, думаю, России не удастся поставить свой флаг на Амуре.

2

По случайному совпадению, а может быть, по иронии providения, именно в этот день и в это же время президент Второй Французской республики Шарль Луи Наполеон Бонапарт, подтянутый мужчина сорока с небольшим лет, в черном сюртуке и белой рубашке с белым шелковым бантом, принимал с докладом начальника разведывательного отдела «Сюртэ Женераль» виконта де Лавалье. Когда виконт вошел, президент остался сидеть за своим огромным письменным столом, читая и подписывая бумаги, он только кивнул в ответ на приветствие Лавалье и жестом указал ему на глубокое кожаное кресло по другую сторону стола.

После того как Бонапарт в декабре 1848 года занял этот кабинет, а Лавалье, активно помогавший Шарлю Луи прийти к власти, получил желанный пост начальника отдела, матерый разведчик многократно бывал тут и не переставал удивляться неиссякаемому стремлению его хозяина к самоутверждению. Циклопические стол и книжные шкафы, в которых даже книги казались невероятно большими; сверкавшая латунными кольцами армиллярная сфера высотой чуть ли не в рост человека – президент, если не сидел за столом над грудями бумаг, любил принимать возле нее величественные позы; и напротив глубокие кресла для посетителей, в которых человек тонул и сам себе начинал казаться маленьким и ничтожным – все говорило о продуманной психологической стратегии и тактике политика, намеревавшегося повторить немислимый кульбит своего великого дядюшки Наполеона Первого – от республики к империи. Лавалье о замысле президента знал совершенно точно: тот еще до революции делал несколько попыток захвата власти, но лишь народное восстание и последовавшие за ним выборы позволили ему приблизиться к заветной цели. Теперь маленький Наполеон, как прозвали Шарля Луи в народе, производил решительную чистку, избавляясь от сторонников республики во всех органах власти – готовил почву для переворота.

К счастью, у него хватило ума не подражать императору французов во внешнем облике: и прическа, и костюм соответствовали моде – никаких там высоких сапог и походных мундиров, а рыжеватая козлиная бородка и густые усы, лихо торчащие заостренными кончиками вверх, казалось, безапелляционно свидетельствовали о самодостаточности их владельца. Правда, высокий лоб, тонкий нос и изящный овал лица все-таки напоминали о родстве с великим Наполеоном.

Впрочем, Лавалье не испытывал желания вдаваться в анализ внешности и поведения шефа (хотя виконт со своим отделом числился по «Сюртэ Женераль», подчинялся он непосредственно президенту). Он принимал его таким, каким тот хотел являться обществу, и этого было достаточно. А Шарлю Луи просто необходим был человек типа Лавалье – надежный, весьма опытный и во внутренних, и в международных делах, имеющий секретные досье на влиятельных людей во всех странах, представляющих для Франции интерес, и тайных агентов, которые умели в нужный момент надавить на этих людей. Именно благодаря Лавалье он смог блокировать конкурентов на президентских выборах, а теперь дискредитировать и вышвырнуть из парламента всех опасных для его будущего республиканцев.

– Слушаю вас, Лавалье, – произнес, наконец, Бонапарт, подписав последние документы и отодвинув их стопку в сторону. – Есть какие-то новости?

– Новость из России, сир. – Так в свое время обращались подданные к дяде Шарля Луи, и сейчас такое обращение всегда вызывало на лице президента довольную улыбку. Однако на этот раз улыбка сразу же завяла: маленький Наполеон вспомнил, чем стала Россия для Наполеона большого, и инстинктивно насторожился в ожидании неприятностей.

И не ошибся.

– Генерал-губернатор Восточной Сибири генерал Муравьев, – продолжил Лавалье скучным голосом, – вернулся с Камчатки с неким капитаном Невельским, который сделал два важ-

ных открытия: во-первых, доказал, что Сахалин – остров, а не полуостров, как утверждал наш великий Лаперуз, а во-вторых – и это куда важнее – выяснил, что в устье реки Амур могут заходить довольно крупные корабли.

– И что с того? – весьма невежливо перебил Бонапарт. – Какое нам дело до какой-то там реки Амур с ее устьем? Могут заходить корабли – и пусть себе заходят. И этот генерал-губернатор... как его?... не слишком ли мелкая фигура, чтобы ему уделял время президент Франции?

– Сир, в шахматах бывает, что мелкая фигура делает мат, а в политических шахматах – тем более. – Лавалье явно намекнул на свою роль в событиях годичной давности, но Бонапарт сделал вид, что не понял. – А эти две фигуры – Муравьев и Невельской – начинают всерьез угрожать интересам Франции на востоке Азии. Позвольте я все объясню?

– Когда что-то касается интересов отечества, я всегда слушаю очень внимательно.

«И тут встал в позу», – внутренне поморщился Лавалье, но продолжил с прежней невозмутимостью:

– Как вы знаете, вследствие поражения в Семилетней войне и последних Наполеоновских войнах Франция лишилась большинства колоний в разных частях света, и лишь теперь, через тридцать лет, мы начали снова расширять свои колониальные владения.

Шарль Луи нетерпеливо дернул головой:

– Избавьте меня от лекций по истории, Лавалье. Про наши колонии я знаю все, включая приобретение Маркизских островов, Хуанпуйский договор с Китаем и аннексию Алжира. Мне известно и о том, какую прибыль приносят французские китобои, промысляющие в водах России...

– Об этом и речь, сир, – мгновенно использовал виконт случайно возникшую паузу в монологе президента. – Они добывают китов на сотни тысяч франков, но ближайшие базы китобоев – на Маркизах и в Пондишери, это за две тысячи лье от русского Охотского моря, которое является настоящим питомником китов. Интересы Франции требуют, чтобы мы заняли базы гораздо ближе, и возможность такая есть. Вот посмотрите...

Лавалье одним напряжением тренированных ног выдернул свое тело из жарких объятий кресла и прошел к столику между двумя книжными шкафами, на котором лежал огромный, наверняка изготовленный по специальному заказу географический атлас, откинул тяжеленную кожаную крышку с тиснением и начал перелистывать плотные бумажные листы с цветными картами.

Заинтригованный Бонапарт вышел из-за стола и остановился позади разведчика, заглядывая через плечо.

Лавалье нашел лист, на котором была изображена западная часть Тихого океана с Японией, Курильскими островами и Камчаткой. Сахалин на ней красовался в виде полуострова, соединенного с материком узким перешейком.

Лавалье вынул из внутреннего кармана сюртука карандаш.

– Вот, сир, это побережье, – он провел кончиком карандаша по береговой линии от Корейского полуострова на север до мнимого перешейка, – а также остров, теперь уже остров, Сахалин, никем пока не занятый. Мои агенты среди китобоев доносили, что ни русских, ни японцев, ни китайцев на Сахалине нет, зато наверняка и на материке, и на острове есть удобные гавани. Англичане там уже рыскают, и мы можем потерять очень многое, если позволим им захватить ключевые позиции.

– А чем грозят нам русские?

– Если русские займут устье Амура, им ничего не будет стоить сплавлять по этой реке военные грузы для укрепления Камчатки и так называемой Русской Америки. В их руках прекрасная Авачинская бухта, в которой можно разместить любое количество кораблей. Если это случится, на нашем китобойном промысле в этих водах можно ставить жирный крест: русские закроют Охотское море для чужих судов.

– Я на их месте давно бы так и сделал, – задумчиво сказал Бонапарт, возвращаясь за стол. Лавалье с неудовольствием снова погрузился в кресло.

– Одна надежда, сир, на русскую неповоротливость и продажность чиновников. За хорошие деньги они затормозят любое дело, даже самое полезное для своего отечества.

– Неужели все такие? Я бы не задумываясь отправлял их на гильотину.

– К сожалению, не все. Мой агент сообщает, что генерал-губернатор Муравьев безжалостно преследует взяточников, а сам не только ни монетки не присвоил, но и на Камчатке побывал за свой счет. А это где-то двенадцать-пятнадцать тысяч серебряных рублей.

Президент поморщился:

– Для меня рубли – пустой звук. Сколько во франках?

– Во франке примерно в четыре раза меньше серебра, чем в рубле. Можно сказать – порядка пятидесяти тысяч франков.

Шарль Луи изумленно распахнул свои красивые глаза, так нравящиеся женам и дочерям парижских буржуа (которые, между прочим, весьма повлияли на своих мужей и отцов во время выборов):

– На одну поездку пятьдесят тысяч?! Он кто, русский Ротшильд? Наверное, разбогател на сибирских мехах?

– Мой агент вхож в дом генерал-губернатора и сообщает, что тот живет на одно жалованье и экономит на всем. А поездка, сир, заняла ровно полгода, и в ней принимали участие около двадцати человек. Так что расходы не столь уж и велики.

– Да, но – из своего кармана! – воскликнул президент. А виконт pokrивился в душе: буржуа никогда не станет аристократом, даже если он Наполеон. Однако на лице его не отразилось ничего, кроме согласного внимания. А президент не мог успокоиться. – Он же путешествовал, я думаю, не для личного удовольствия.

– Разумеется, нет. Хотя брал с собой жену и ее наперсницу. Кстати, они обе – француженки.

Это известие мгновенно переключило направленность интереса Шарля Луи. Ловелас – он и в президентском кресле, и на императорском троне остается ловеласом. Наоборот, высокое положение значительно расширяет возможности такого рода. Что хорошо подтверждали и предшественники-короли и сам великий дядя-император. Да и первый французский президент, по сведениям агентуры, на этом поприще резвился очень даже успешно.

– Уж не одна ли из них – ваш агент, Лавалье? – в игривой тональности спросил Бонапарт. – А может быть, обе?

– Я не могу этого ни подтвердить, ни опровергнуть, сир. – Виконт, можно сказать, ехидно ухмыльнулся в душе. – Это – государственная тайна.

3

Император Николай Павлович принял морского министра светлейшего князя Меншикова сразу после завтрака, в 9 часов. Александр Сергеевич принес доставленные накануне штабс-капитаном Корсаковым бумаги от Муравьева – две записки о предположениях касательно благоустройства Сибири и рапорт о действиях Невельского. Доложив вкратце о прибытии спецкурьера от генерал-губернатора и представив государю полученные документы, князь собрался откланяться, но император указал ему на стоявший у стены диванчик – мол, садись и жди, а сам занялся чтением.

Князь сидел и от нечего делать разглядывал портреты на стенах кабинета – Петра Великого, Екатерины Великой, Павла и Александра Благословенного. С каждого из них царь старался брать пример – разумеется, не целиком, а по отдельным деяниям: с Петра – по решительности реформ во благо России, с Екатерины – по непреклонности во внешних сношениях,

с Павла... В чем же Павел-то был силен? – задумался Александр Сергеевич. С Александра пример понятный – по требовательности к исполнению законов, а что же с Павла?..

Впрочем, князь не стал углубляться в этот вопрос, решив, что не стоит он того, чтобы забивать им голову – царь лучше знает, с кого брать, а кому показывать пример, – и отвлекся от портретов как раз вовремя, чтобы услышать голос государя и сразу вскочить:

– Послушай, Меншиков, ну перенос Охотского порта в Петропавловск тебя как морского министра касается непосредственно, а вот с переустройством Камчатки я не понял – это же дело министра внутренних дел.

– Точно так, ваше величество, но предлагаемый губернатором Камчатки Завойко – морской офицер, и вся деятельность Камчатской области будет подчинена нуждам Петропавловского порта, так что это и мое дело.

В дверь постучали, и вошел секретарь.

– Ваше величество, к вам граф Перовский.

– Очень кстати. – Император приглашающе махнул рукой. – Проси.

Граф ничуть не удивился, увидев князя, только, здороваясь, слегка и вполне дружелюбно улыбнулся, как бы говоря: «Опередили вы меня, ваша светлость». Князь ответил тоже дружелюбно, но с оттенком превосходства, усмехнувшись в седые усы: «Старики-то резвее, ваше сиятельство».

– С чем пожаловал, Перовский? – Николай Павлович кивнул на черную папку в руках графа. – Небось с бумагами от Муравьева?

– Да, государь. – Лев Алексеевич раскрыл папку. – Две докладные записки и рапорт о действиях капитана Невельского.

– Оставь. Рапорт я и сам получил, а записки любезно предоставил князь. Да вы садитесь, садитесь. Хочу услышать ваше мнение по всем трем документам. Первым давай ты, князь.

Основанием указательного пальца Меншиков огладил усы:

– Все представления генерал-губернатора я считаю правильными и своевременными. Камчатка – особая область и требует отдельного внимания и управления. Капитана первого ранга Завойко я знаю – весьма толковый офицер, и кандидатуру его в губернаторы поддерживаю. Как и представление на контр-адмирала.

Николай Павлович встал и подошел к окну. Ему захотелось взглянуть на ангела на Александровской колонне. В минуты раздумий о государственных делах тот как магнитом притягивал его к себе, и в последнее время это случалось все чаще и чаще. Не потому, что дел становилось больше, их всегда хватало с избытком – наверное, просто больше стал уставать, все-таки пятьдесят четыре года, ни один монарх из Романовых столько не прожил, ни на одно царствование, кроме, пожалуй, Петра Великого, не выпало столько войн, одна Кавказская потянет на десяток обычных, и конца ей не видно.

Тяжело. Тяжек груз ответственности за судьбу империи, когда один неверный шаг, одно ошибочное решение может повлечь за собой невосполнимые государственные потери и страдания тысяч людей. А еще он заметил: усталость быстрее стала его одолевать, после того как закончились нежные встречи с Леной. Прежде бывало – все, выдохся царственный мужик, напалхался до радужных кругов перед глазами, перо вываливается из руки, и невозможно лишнюю помету сделать на какой-нибудь важной бумаге, а придет ангел Леночка, обнимет, приласкает, и весь груз дневной куда-то улетучивается, и бодрость во всех членах, и голова ясная – садись и работай всю ночь напролет. И садился, и работал так, что придворные только диву давались – откуда у императора силы берутся. Глупцы, не знали они, что любовь ежедневно, ежечасно, ежеминутно творит с человеком чудеса, а ведь император – тоже человек, хоть и помазанник Божий.

Есть, правда, и еще одна женщина, тоже давно и безоглядно любящая, трепетная, все понимающая. Или, по крайней мере, старающаяся все понимать. Варенька Нелидова. Это,

наверное, прежде всех ее имела в виду Лена, когда говорила об его увлечениях (обо всех что напоминать – ну имел он эту царственную слабость... или силу – это с какой стороны поглядеть... опробовать свои мужские чары на хорошеньких девицах или женщинах). Хотя больше десяти лет связи сложно называть просто увлечением, но и своей любовью он ее назвать не может. Позволяет себя любить – да, но не больше. И самое интересное – эта связь так эфемерна, что о ней даже не сплетничают. Впрочем, о Лене тоже – словно никто не знает. А может, и вправду не знают – она всегда была очень осторожна.

А потом Лена перестала приходить. Причем не по своей воле, а по его предложению: смерть брата Михаила в августе прошлого года потрясла Николая Павловича, и, собственно, именно она стала причиной разрыва с Еленой Павловной: ему показалось, что их отношения оскорбляют память покойного. Пока Михаил был жив, Николай, искренне любя брата, тем не менее не чувствовал угрызений совести за свою связь с Еленой. Муж явно ею пренебрегал, и он, Николай, как бы заполнял собой ту пустоту, что образовалась в жизни умной, очаровательной и по натуре страстной женщины. А после похорон глянул на нее и на себя со стороны и вдруг устыдился: она вдова, у него седина в голове, а туда же – объятия, поцелуи и все такое прочее...

В общем, объяснились, и она, умница, все поняла.

Поняла, перестала приходить, перестала, значит, брать на себя его усталость, раздражение, порою даже гнев, и он почувствовал, как то, что двадцать пять лет строил, складывал по кирпичику, укреплял – разумеется, как понимал, как умел, как мог – его дело, к которому был призван Богом, начало расползаться, сыпаться, терять строгие очертания. В общем, рушиться. И он, дурак, сам к этому руку приложил. Голову надо было приложить. Голову и сердце. И самое страшное – ничего вернуть нельзя: не тот Елена Павловна человек, чтобы по старым следам ходить.

Вспомнилось, что и у бабки его, Екатерины Великой, случилось нечто подобное. Правда, в обширном семействе Романовых не любят об этом говорить, но что было то было. Пока Екатерина Алексеевна держалась за руку Потемкина, пока были у них любовь и понимание, дела в государстве шли замечательно, что бы там недруги про светлейшего князя ни говорили. А кончилась любовь – по ее вине кончилась, – и успехам пришел конец, и покатилась империя под уклон. Ладно, батюшка Павел Петрович сумел остановить.

А кто теперь остановит, если вдруг?.. Нет, надо цесаревича к настоящему делу приобщать, хватит ему наблюдателем быть. Пусть для начала Амуром и Камчаткой займется – на востоке сейчас ничего нет важнее.

Ангел на колонне в этот момент обрисовался золотистым ореолом. Это выглянувшее из облака солнце осветило его со спины, но императору показалось, что его мысли получили высшее одобрение. Он удовлетворенно улыбнулся в усы и повернулся к затянувшему паузу Меншикову:

– Что ж ты остановился, князь? Продолжай.

Министр встряхнулся, оглянулся зачем-то на Перовского, взгляд которого, как заметил император, был очень встревоженным и только сейчас начал успокаиваться, и откашлялся:

– Ваше величество, укреплять Петропавловский порт командами и орудиями будем, а для острстки иностранных китобоев пошлем в Охотском море военные крейсеры. Что касается земледелия в тех краях, я в этих вопросах не силен, но доверяю Муравьеву, который все проехал и видел своими глазами. Кстати, он – первый генерал-губернатор, который рискнул на такое путешествие.

– Я слышал, он потратил на него много своих денег, – сказал император. – Что-то около пятнадцати тысяч серебром.

Николай Павлович слегка слукавил. О деньгах ему доложил главный начальник Третьего отделения князь Орлов, сведения были извлечены из письма Муравьева своему младшему брату Валериану.

– Я точной суммы не знаю, – сказал Перовский. – Но я бы просил, государь, дать указание возместить ему эти убытки.

– Это его просьба? – быстро спросил император.

– Ни в коей мере! Муравьев о деньгах лично для себя никогда не спрашивает, в Управлении экономит на всем и в то же время доплачивает из своего кармана людям, привлеченным для разгребания судейских завалов. Вронченко не дает ни одной лишней копейки.

– Министр финансов на то и поставлен, чтобы беречь каждую копейку. А у Муравьева прожекты – перенос порта, переселение крестьянских семейств на Камчатку и Аянский тракт, борьба с китобоями, образование Забайкальского казачьего войска и Забайкальской области, – перечисляя, Николай Павлович загибал пальцы, – всё требует денег. Больших денег! – Он посмотрел на сложившийся кулак и прихлопнул им лежащие перед ним бумаги. – Ты, граф, как я понимаю, тоже во всем поддерживаешь этого молодца?

– Да, государь.

– Хорошо. Записки я утверждаю. – Император размашисто расписался в левом углу титульных листов докладных записок, добавив: – Муравьев, кажется, не может жаловаться, что я его представлений долго не разрешаю. Конечно, я убежден, что все это – дело полезное, но будет еще лучше, если казна не понесет лишних расходов. Впрочем, он обещает обойтись своими местными источниками, но при этом, – император усмехнулся, – просит толику от добычи золота оставлять в его распоряжении. Как и сэкономленные деньги.

– Государь, – сказал Перовский, – эти средства нужны ему для лучшего управления краем. На месте виднее, где и как их использовать. И не боюсь повториться, можно гарантировать, что Муравьев сам не использует ни копейки в личных целях и другим не даст.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся император. – Все бы губернаторы такие были...

– И при этом, государь, Муравьев уже третий год лишь исправляющий должность генерал-губернатора. Может быть, пора его утвердить?

– Утвердим, утвердим. Пусть он представляет полное обозрение вверенного ему края, а то я лишь из этих записок узнаю, что там делается, и пусть просит разрешения приехать в столицу. Все рассмотрим и утвердим. Я вас не задерживаю, господа.

Перовский поклонился и направился к дверям, а Меншиков затоптался, не решаясь что-то высказать.

– Что у тебя, князь? – недоумевая, спросил император.

– Ваше величество, не решен вопрос с Невельским...

– Ах, да... Я доволен тем, что он сделал – и груз доставил в целости и сохранности, и открытия совершил. Тут в рапорте Муравьев хитрит насчет левого берега Амура, ну да не буду слишком строг. Все представления по награждениям экипажа транспорта «Байкал» утверждаю, кроме одного. Невельской за отступление от инструкции получит только очередной чин – капитана второго ранга. Ему полагался Святой Владимир четвертой степени и пенсия, но...

– Ваше величество, – просительно начал Меншиков, но император поднял обе руки:

– Все, князь! Пока все. Вот приедет Невельской с докладом, обсудите его в Амурском комитете – тогда посмотрим.

Глава 3

1

Подполковник Генерального штаба Николай Христофорович Ахте крайне недоволено рассматривал в зеркале свое розовощекое лицо, окаймленное небольшими темными бачками в цвет не столь уж богатой шевелюры. Для его чина и должности начальника секретной Забайкальской экспедиции военного министерства полагались, конечно, и усы, но они росли весьма неохотно и негусто, да к тому же волосы в них были разного цвета – черные и рыжеватые, а некоторые так и вообще белесые, и подполковник счел за лучшее быть бритым. И все бы оно ничего, да вот выглядел Николай Христофорович при такой физиономии для своих тридцати пяти лет слишком моложаво, не тянул больше чем на двадцать два – двадцать три. И это при том, что имел за плечами университет и академию Генерального штаба, топографические съемки Оренбургской губернии и Киргизской степи, а еще – Оренбургской пограничной линии, кроме того, участвовал в ревизии Восточной Сибири под руководством сенатора Толстого, а за демаркацию норвежско-российской границы получил сразу два ордена – Святой Анны 2-й степени от России и Святого Олафа 3-й степени от Норвегии.

В общем, заслуг у подполковника было немало, его ценили, о чем свидетельствовало назначение в Забайкальскую экспедицию, а вот внешний вид, по его скорбному мнению, подкачал весьма и весьма. Это тем более не радовало, что предстояла встреча с генерал-губернатором, и разговор ожидался нелицеприятный, поскольку главный начальник края рискнул пойти против высочайшего повеления и задержал секретную миссию на столь неопределенный срок, как до своего возвращения из поездки на Камчатку, и Николай Христофорович намеревался высказать об этом свое категорическое мнение. Тем более что поездка генеральская продолжилась целых полгода, и время, пригодное для начала работ, безвозвратно ушло. Ладно хоть подчиненные подполковника – два горных инженера, астроном и два военных топографа – не остались без дела, не проедали впустую казенные деньги, за которые, между прочим, еще надо будет отчитываться. Экспедиция стала оправдывать свое название – Забайкальская, так как ее участники занялись тщательным обследованием Нерчинского края – минералогическими изысканиями, рекогносцировкой и топографической съемкой местности. Действия, конечно, нужные, хотя по сравнению с теми задачами, что были поставлены в столице, уныло-рутинные. Слава богу, что генерал не позабыл о задержанной миссии и немедленно по приезде назначил аудиенцию ее руководителю. Может, что-то изменится в лучшую сторону?

Николай Христофорович еще раз обозрел в зеркале свои до безобразия румяные щеки, мысленно негодуя сплюнул (сплюнуть в действительности ему не позволяло немецкое воспитание), вздохнул и отправился на прием.

Разговор, как и ожидалось, начался нелицеприятно.

– Я задержал вашу экспедицию по двум причинам, – едва ответив на приветствие, заявил генерал. Неизвестно почему тон его был явно агрессивный. – Во-первых, вопрос решительно не согласовывался со мной, однако государю было представлено, будто бы я полностью его поддерживаю. Во-вторых, как бы экспедиция ни засекречивалась, она моментально стала бы известной китайцам и вызвала бы у них совершенно ненужную нам настороженность. А это, в свою очередь, могло бы помешать скорому возвращению Амура в пределы России.

– О каком возвращении вы говорите, ваше превосходительство?! – воскликнул изумленный подполковник. – По Нерчинскому трактату Россия признала, что Китай владеет Амуром от слияния Шилки и Аргуни и до моря...

– Стоп, господин подполковник! – Муравьев даже ладонь выставил перед собой, останавливая напор собеседника. – Вижу, трактат вы читали, но – весьма невнимательно. Особенно первую статью.

– Да как же невнимательно, ваше превосходительство? – В другое время Николай Христофорович никогда бы себе не позволил столь бесцеремонно прерывать высокопоставленное лицо – не полковника или даже генерал-майора, а – страшно подумать! – генерал-лейтенанта, начальствующего над половиной империи, но у него, можно сказать, накопело – из-за потери драгоценных летних месяцев и траты сил на работы, которые могли провести даже не столь опытные специалисты, как те, кого он подобрал для экспедиции, из-за пренебрежения к его профессиональным знаниям, наконец, из-за того, что сейчас его, словно лодыря-школяра, ткнули носом в невыученный урок. – Я эту первую статью наизусть знаю! – И начал декламировать: – «Река, именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левые стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими государствами постановить. Также от вершины той реки Каменными горами, которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам, даже до моря протягненными...» Подчеркиваю, – не удержался он, – «даже до моря»! «...обоих государств державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полудневные стороны с их гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства».

Закончив эту фразу, невероятно трудную не только для ганноверского немца, каковым по происхождению был Ахте, но и для чистокровного русского, Николай Христофорович перешел и победно улыбнулся, отметив покаянную, как ему показалось, внимательность генерала.

Муравьев действительно слушал его очень внимательно, но думал при этом о другом. Вот оно, думал он, искреннее заблуждение честных людей, совершенно незнакомых с тонкостями дипломатической казуистики: ухватят то, что лежит сверху и само бросается в глаза, а заглянуть поглубже, присмотреться к нюансам – в голову не приходит. А в этих нюансах-то и скрыт главный смысл документа.

– Николай Христофорович, – спокойно сказал генерал-губернатор («Надо же, – удивился Ахте, – заранее поинтересовался именем-отчеством»), – вы отлично запомнили текст, но подчеркивание выражения «даже до моря» с головой выдает ваш поистине дилетантский подход к вопросу, уж простите мне некоторую резкость суждения. «Даже до моря» в трактате подразумевает «если так, то тогда даже и так». А кто может сейчас достоверно утверждать, что те вершины Каменных гор, то есть Станового хребта, по которым граница определена от Горбицы, тянутся до самого моря? Никто! Если же горы поворачивают на юг, что вполне возможно, то реки, стекающие с их не южных, а уже восточных склонов, даже впадающие в Амур, не могут считаться «под владением Хинского государства» и относятся к неразграниченной территории, по которой России и Китаю еще следует договариваться. Вот эту территорию – между рекой Удью, морем, горами и Амуром – следует обозреть и описать вашей экспедиции, которая с декабря сего года подотчетна генерал-губернатору. То бишь мне. С весны этим и займетесь.

– Но академик Миддендорф обнаружил пограничные столбы... – попытался возразить подполковник, буквально придавленный аргументами генерала.

– Да, он что-то обнаружил, но это «что-то» вполне может быть культовым сооружением местных шаманов. Или памятным знаком опять же местного населения, а не китайских властей. И вообще, гиляки нижнего Амура знать не знают никаких китайцев – это достоверно выяснила экспедиция капитана Невельского. Там должно, и как можно скорее, поставить российский флаг! – жестким тоном закончил генерал-губернатор.

А подполковник от таких непререкаемых слов, наоборот, вспыхнул упрямством.

– По инструкции мне запрещено приближаться к Амуру, – насколько сумел твердо заявил он. – Я человек военный и приказы должен выполнять неукоснительно. А приказано мне

подробно и обстоятельно осмотреть район между Удью и горами на предмет определения границы с Китаем.

– Поймите же, наконец: нет там никакой границы! И не было никогда! – начал раздражаться Муравьев. Он знал, что раздражение это непроизвольно будет раскручиваться, серделся, что не может его сам остановить, и оттого терял самообладание еще быстрее. Лицо его покраснело, голос становился громче. Генерал вскочил и заходил по кабинету из угла в угол. – Вы вчитайтесь, вчитайтесь в трактат! В том-то и гениальность Федора Алексеевича Головина¹ как дипломата, что он сумел убедить китайцев оставить эту территорию неразграниченной. У них армия была – пятнадцать тысяч, а за ним всего полторы тысячи человек. И ведь смог! Смог, черт побери!

Последние слова генерала были почти на крике. Подполковник, потерявшись, ждал, что будет дальше, но тут распахнулась дверь кабинета, и в ее проеме появилась женщина. Муравьев поперхнулся словом, закашлялся и замолчал. Ахте подбросило со стула, на краю которого он сидел, он ошолбенело уставился на вошедшую, она ему показалась ослепительной красавицей.

– Добрый день, – с легким французским акцентом сказала женщина. – Пора, господа, обедать. Николай Николаевич, приглашайте гостя к столу.

А гость, наклонив в приветствии голову, краем глаза успел заметить, как разгладилось раздраженное лицо хозяина, как загорелись лаской его только что злые глаза.

– Ты, как всегда, вовремя, моя дорогая. Позволь представить тебе подполковника Генерального штаба Николая Христофоровича Ахте, а вам, господин Ахте, – мою супругу Екатерину Николаевну.

Ахте поцеловал легко и грациозно протянутую руку и почувствовал, как екнуло и затрепетало его, казалось, навсегда заснувшее сердце. «Что это? – удивился и взволновался он. – Не дай бог влюбиться в чужую жену!»

С женщинами у Николая отношения были самые простые, вернее сказать, их практически не было. Девственность он потерял давно, вполне случайно и, к стыду своему, даже не помнил с кем. Произошло это в Харькове, на одной из университетских вечеринок, на которые студенты – дети и внуки Слобожанского казачьего старшины – как бы в подтверждение своего вольного и буйного нрава обязательно приглашали девушек-белошвеек. Что там было? Выпивка, переходящая в банальную пьянку, обязательный гопак и необязательная кадрили, поцелуи с жаркими объятиями в темных закутах, ударяющая в голову податливость обнаженного женского тела... В общем, удовольствия тогдашняя торопливая близость не доставила, а позже Николай обнаружил, что общаться с девицами ему совсем не интересно – то ли по меланхолическому складу характера, то ли по увлеченности науками, а затем и службой, то ли еще по какой причине – он, в общем-то, не особенно вникал и самокопанием не занимался. Конечно, понимал, что когда-нибудь женится и даже нарожает детей, но это казалось таким далеким будущим, что никаких эмоций не вызывало.

А тут... А тут с ним явно что-то случилось, потому что подполковник почувствовал острую нехватку дыхания и испугался, что генерал, а главное, его жена, заметят, как он пытается осторожно втянуть воздух в опустевшие легкие. Заметят и еще заподозрят что-нибудь нехорошее, а этого ему совсем не хотелось.

– Идемте, идемте, Николай Христофорович, – услышал он ничуть не раздраженный голос генерал-губернатора и удивился: оказывается, после поцелуя руки Екатерины Николаевны про-

¹ Головин Ф.А. (–1706) – русский дипломат и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал (1700), граф (1702). Был государственным канцлером, президентом Посольских дел, начальником Военно-морского приказа, главой Оружейной, Золотой и Серебряной палат, наместником Сибирским (основал г. Нерчинск), управляющим Монетным двором, Ямским приказом; графом Римской империи. Первый кавалер ордена Андрея Первозванного. Возглавлял русскую миссию на переговорах с Китаем (Нерчинск, 1689).

шла не вечность, а всего-то пара секунд. Но сердце продолжало трепетать и сбиваться с ритма теперь уже от веселого и дружелюбного взгляда хозяйки.

– Ты так напугал бедного подполковника, что он никак не может прийти в себя, – с улыбкой сказала она мужу и повернулась к Николаю Христофоровичу. – Не бойтесь, мой муж страшен только для врагов, а вы, как мне кажется, к ним не относитесь. Не так ли?

– Да, да, разумеется, – пробормотал Ахте.

Они пошли из кабинета, через приемную залу, вниз по лестнице – женщина впереди, мужчины плечом к плечу на полшага сзади. Сначала молчали, потом Николаю Христофоровичу молчание показалось неприличным – еще подумает хозяин, что гость сердится, и он в продолжение разговора спросил (хотя и опасался нового взрыва):

– А в чем, ваше превосходительство, вы усматриваете гениальность решения о неразграниченности территории по Амуру?

– Во-первых, зовите меня Николай Николаевич, – миролюбиво отозвался генерал. – А что касается неразграниченности – видимо, Федор Алексеевич Головин рассчитывал и верил, что Россия со временем станет сильнее и вернет то, что принадлежит ей по праву первооткрывателя. Великого ума был человек! Кстати, судьба мне подарила счастье служить под началом его потомка, генерала Евгения Александровича Головина. Благороднейшей души человек, дай ему Бог здоровья и долгих лет! Евгений Александрович учил меня азам дипломатии во время Польской кампании и вообще был как родной отец...

Подполковник слушал вполуха – его внимание было занято плавными движениями изящных линий фигуры идущей впереди хозяйки, но последние слова уловил и снова удивился – тому, как быстро расчувствовался суровый генерал-губернатор, как влажно заблестели его глаза. Вот ведь уживаются в одном человеке такие противоположности, как непререкаемая жесткость и трогательная сентиментальность, и не разваливают его на части, а он, Николай Христофорович, сугубый адепт долга и дела, увидел, можно сказать, одним глазком небесную красоту и чистоту женской души, и – все, только что не растекся лужицей по паркету. Так не годится... не годится... не годится...

Николай Христофорович решительно внутренне встряхнулся и весь обратился к словам генерала:

– ...ваша работа по описанию территории между Удью и Амуром будет крайне полезной для ее освоения нашими переселенцами. – Ахте раскрыл было рот, но Муравьев поднял руку, предупреждая: – А насчет запрета приближаться к этой великой реке можете не беспокоиться: я написал государю, чтобы мне дозволено было прибыть в столицу для личного доклада. Надеюсь вскоре получить разрешение, а там все и обскажу в наилучшем виде.

2

– Дамы и господа, для тех, кто не знаком, позвольте представить нашего нового столичного гостя, – обратился Муравьев к собравшимся в малой гостиной приглашенным на обед.

Некоторых из них Ахте уже знал. Бывал у иркутского губернатора Зарина, где познакомился с его племянницами, а также с женихом старшей, офицером для особых поручений штабс-капитаном Мазаровичем. Художника Карла Петера Мазера встречал в Общественном собрании. С ними подполковник поздоровался, кивая с легкой дружелюбной улыбкой и щелкая каблуками. Остальных генерал представлял по отдельности.

– Аврора нашего общества, французская *musicienne* Элиза Христиани. Ее виолончель покорила сердца иркутян, камчадалов и якутов.

– Не только, – засмеялась миловидная чернокудрая женщина, – но и столицы Европы, и губернские горьода России. – Она протянула тонкую руку, и подполковник прикоснулся губами к изящным пальчикам, подумав, как не просто им крепко зажимать тугие струны инструмента.

– Неужели на Камчатке и в Якутии нашлись хорошие виолончели? – спросил он первое, что пришло в голову.

– А мы везли ее с собой, – с каким-то даже бахвальством сказал Муравьев и довольно засмеялся. – В железном футляре. По всем горам, болотам и морям. Представляете?

Элиза улыбнулась отстраненно, как будто речь шла вовсе не о ней, но в глазах ее, устремленных на подполковника, промелькнула искра интереса. Промелькнула и погасла. Показалось, решил Николай Христофорович. Тем более что в этот момент в гостиную вошла Екатерина Николаевна, которая отлучалась, видимо, по обеденным заботам. Она заговорила о чем-то с Варварой Григорьевной Зариной, молодой, лет двадцати пяти дамой, и осветила улыбкой не только свое открытое с нежными чертами лицо, но и, как почудилось подполковнику, всю комнату.

Муравьев проследил за его взглядом и кашлянул. Ахте встрепенулся, возвращаясь к реальности.

– А это мой давний боевой товарищ и надежнейший порученец Иван Васильевич Вагранов, – продолжил генерал. Штабс-капитан наклонил голову и щелкнул каблуками. – Можно сказать, сэр Ланселот нашего небольшого Круглого стола. С тем лишь отличием, что не заглядывается на королеву Гвиневеру.

Вагранов на этих словах даже приоткрыл рот от удивления. Еще в Бомборах, главной крепости третьего отделения Черноморской линии, они с Николаем Николаевичем вечерами по очереди читали вслух «Смерть Артура», романическое сочинение сэра Томаса Мэлори, поэтому он знал историю любви Ланселота и Гвиневеры, однако никак не ожидал, что генерал вспомнит о ней, да еще таким странным игриво-предупреждающим тоном, да еще в столь неподходящий момент. Лишь некоторое время спустя он заметит красноречиво-восхищенный взгляд подполковника, направленный на Екатерину Николаевну, все поймет и удивится еще больше, потому что прежде Николаю Николаевичу очень нравился восторг мужчин по отношению к его жене. Он считал это совершенно естественным, поскольку сам пребывал рядом с ней всегда на грани изумления: «Неужели это чудо – моя жена?!» А что же теперь – уж не приревновал ли он ее к этому молодому подполковнику?

Между тем генерал, вроде как не обратив внимания на легкое потрясение, произведенное в душе порученца сравнением с Ланселотом, поманил стоявшего рядом с Мазаровичем молодого человека в мундире чиновника.

Тот поспешно подошел.

– Моя правая рука, – генерал окрасил эти слова тонкой иронией, и Ахте понял ее, так как, будучи человеком военным, успел заметить последствие ранения Муравьева, – Струве Бернгард Васильевич. – Николай Христофорович обменялся с молодым человеком крепким рукопожатием. – Предерзостным образом нередко имеет мнение, отличное от мнения начальства.

– Николай Николаевич... – смутился чиновник, но Муравьев похлопал его по плечу:

– Ничего, ничего, если для пользы дела, отнюдь не возбраняется.

В дверях гостиной появился невысокий, примерно одного возраста с Ахте черноволосый офицер с грустными висячими усами, в морском мундире, и всё вокруг подполковника сразу же изменилось.

Муравьев устремился к моряку, раскинув руки:

– Наконец-то! А то я думаю: куда же вы пропали?! – Он обнял вошедшего за плечи и обернулся: – Дамы и господа, с бесконечной радостью представляю вам подлинного героя нашего времени, коего за его открытия устья Амура и островного положения Сахалина потомки будут называть великим, а мы уже можем гордиться тем, что жили с ним в одно время и даже были знакомы. Прошу любить и жаловать – Геннадий Иванович Невельской! Ура! Ура! Ура!

3

Сибирская зимняя степь своим цветом напоминала молоко, а бескрайностью – океан, только волны этого океана застыли по мановению руки волшебника Мороза, да так и остались на много месяцев. Но игра теней и света в хаосе мелких и крупных волн делала бесконечную равнину удивительно привлекательной, на нее можно было смотреть долго-долго, радуясь и поражаясь прихотливо-естественной красоте великой природы.

– Zum Augenblicke dürft ich sagen: Verweile doch, du bist so schön!² – пробормотал Невельской, вдруг устав глядеть в окно кибитки, и откинулся на спинку сиденья. Дрезденское издание обеих частей «Фауста» было у него настольной книгой во всех морских походах. Он воспринимал героя трагедии как родственную душу, но спрашивал себя, готов ли на все ради постижения мира, и со стыдом признавался самому себе: нет, не готов.

А теперь совершенно неожиданно на его пути возникла Маргарита.

Он прикрыл глаза, вспоминая.

...Общее «ура» прозвучало нестройно, но аплодисменты были долгие и от души. Невельской смущался, поднимал руки, успокаивая, однако это не возымело действия – наоборот, его окружили, продолжая аплодировать и улыбаясь, и всячески старались выказать свое расположение. И вдруг он увидел близко-близко широко распахнутые от восторга голубые глаза, окруженные пушистыми золотыми ресницами, и услышал прерывающийся голосок:

– Геннадий Иванович, можно, я вас поцелую?

Он почувствовал, что стремительно погружается в голубую глубину, смог в ответ лишь кивнуть, ощутил на щеке прикосновение мягких горячих губ и услышал одобрительный общий смех и новый взрыв аплодисментов.

И чей-то веселый возглас:

– Ай да Катенька! Никак жениха нашла!

За столом их посадили рядом, разумеется, предварительно официально познакомив. Геннадий Иванович узнал, что семнадцатилетнюю обладательницу бездонных голубых глаз и золотых выющихся волос зовут Екатерина Ивановна Ельчанинова, но все ее называют Катенькой, что она – племянница иркутского губернатора (да-да, та самая, о которой в Якутске говорил ему Муравьев). А далее выяснилось, что Катенька обожает книги Джеймса Фенимора Купера и мечтает сама участвовать в каком-нибудь путешествии – морском или сухопутном, не важно, главное, чтобы с приключениями и даже тяжелыми испытаниями. Сам не понимая почему, Геннадий Иванович тут же пообещал обязательно написать книгу о подвиге русских моряков, правда, спохватился и добавил: но только позже, потом, когда появится достаточно свободного времени, а пока под большим секретом сказал, что уже ведет необходимые записи. Катенька пришла в восторг и с горящими глазами потребовала еще одно обещание, а именно – что она будет первой читательницей рукописи.

– Я буду счастлив, – пробормотал совсем потерявшийся Невельской и, опустив голову, исподлобья осторожно оглядел сидящих за столом – не видит ли кто его смущение. Конечно же, ему показалось, что все всё видят и лишь из деликатности старательно не обращают на них с Катенькой внимания. Только Варвара Григорьевна, сидевшая напротив наискосок, как раз глянула в их сторону, встретила с ним взглядом и одобрительно улыбнулась.

Геннадий Иванович почувствовал, что краснеет, под черным шелковым галстуком, дважды обвивающим шею, стало жарко и влажно. Он судорожно сглотнул, ощущая себя гимназистом на первом свидании.

² Остановись, мгновенье, ты прекрасно! (нем.; И.-В. Гёте, «Фауст»).

– Вам нехорошо? – услышал он шепот девушки, посмотрел в ее наполнившиеся тревогой глаза и произнес вполголоса первое, что пришло в голову:

– Как же вы сможете стать первой читательницей, если вы будете здесь, в Иркутске, а я – неизвестно где, может быть, у черта на кулишках?

И услышал ответ, потрясший его до глубины души:

– А вы жени#тесь на мне, и мы всегда будем вместе.

Конечно, для подобных объяснений, а тем более решений, обеденное застолье в присутствии почти десятка малознакомых людей – место не самое подходящее, но когда и где чувства спрашивали разрешения у разума? Ну, может быть, за малыми исключениями, служившими лишь для подтверждения общего правила.

Геннадий Иванович понял, что корабль его жизни круто переложил галс, сделав поворот фордевинд³. И все волнения последних двух, а то и трех месяцев (а что кривить душой – его, конечно, волновало, как отразится на карьере и судьбе пусть и невольное, однако все же грубое нарушение инструкции) показались куда менее значительными, чем представлялись прежде. Но самое главное – юное создание, сидевшее рядом с ним, безо всяких усилий раскололо скорлупу, которую он пятнадцать лет наращивал вокруг себя. Нарачивал с того самого дня, когда на выпускном балу Смольного института благородных девиц, куда были приглашены лучшие кадеты старших классов Морского корпуса, девятнадцатилетний Геннадий, оттанцевав мазурку, услышал за спиной хихиканье и весьма нелестные отзывы о себе подружек партнерши («заморыш», «лягушонок» и «мальчик-с-пальчик» были самыми легкими). Он и так натерпелся из-за своего невысокого роста, придававшего ему мальчишеский вид – достаточно сказать, что выпускная комиссия сочла невозможным дать первый офицерский чин такому юнцу и оставила его еще на год в корпусе, – так вдобавок эти девичьи насмешки! В общем, юноша замкнулся крепко-накрепко от искушений женским полом и весь устремился к искусству кораблевождения.

А тут – нате вам! – предложение! И от кого – от недавней смолянки!

– Ну что же вы молчите? Я вам не нравлюсь?

Геннадий Иванович вынырнул из глубокого оцепенения и, не решаясь поднять глаза, сказал шепотом, четко разделяя слова:

– Я буду счастлив просить вашей руки, когда вернусь из Петербурга хотя бы в прежнем чине.

– А вы можете не вернуться?

Он еле расслышал – ее губы шевельнулись почти беззвучно – и ответил в том же тоне:

– Меня могут разжаловать в матросы и послать служить в любое другое место.

Тут он все-таки рискнул взглянуть в ее глаза и увидел, что они готовы пролиться если не реками, то уж ручьями – непременно.

– Я буду вас ждать, – прошептала девушка.

Будет, поверил он, а еще поверил – дождется.

...И что же? «Остановись, мгновенье», и можно умирать? Ну, нет, жизнь только начинается!

4

Начальник Главного морского штаба светлейший князь Меншиков внимательно выслушал, сверяясь с картами и судовыми журналами – не только чистовыми, но и черновыми – доклад Невельского об описи Амурского лимана и устья реки, поправил седые усы и сказал, разглаживая ладонью разложенные на большом столе бумаги:

³ Поворот парусного судна, при котором оно пересекает направление попутного ветра кормой.

– Дело вы, братцы мои дорогие, свершили зело великое, и наш милостивый государь его оценил. Но вот представление Муравьева о необходимости занятия устья Амура уже в навигацию этого, пятидесятого года, да еще столь крупным отрядом... – Адмирал сделал паузу, многозначительно покачивая головой, и Невельской тут же ею воспользовался:

– Семьдесят человек – разве это много, ваша светлость?

– Много, много, – покивал князь.

– А если много, то можно и тридцать. Там воевать-то не с кем. Гиляки – народ мирный, к русским относятся дружелюбно, а китайцев в тех краях днем с огнем не сыскать. – Заметив тень, скользнувшую по лицу адмирала и приняв ее за сомнение, добавил горячо: – Неужто вы нам не верите, Александр Сергеевич? Вы же меня знаете. В конце концов, такое недоверие даже оскорбительно.

– Да верю, верю, – отмахнулся Меншиков. – Я верю. А вот вице-адмирал Врангель⁴ еще в сорок шестом годе доносил канцлеру о том, что на Нижнем Амуре города китайские стоят и войска великой численности. И наша миссия в Пекине о том же извещала.

– Я не знаю, откуда у барона Врангеля такие сведения – на Амуре ни он сам, ни агенты Компании не бывали. А мы были!

– Я тоже, голуба моя, не знаю. Но Нессельроде, Чернышев, Берг и еще этот, бывший директор Азиатского департамента Сенявин – ну то есть большинство в Амурском комитете – опираются на Врангеля, выказывают вам недоверие и настаивают на вашем разжаловании за проявленную дерзость.

– Александр Сергеевич, ваша светлость, да если бы там были китайцы большими силами, разве позволили бы они провести наши обмеры и описи? Правительство всегда может проверить справедливость моих донесений, я в них абсолютно уверен и потому прошу вашу светлость защитить меня и моих товарищей от подобных нареканий.

– Защитить вас в комитете, голуба моя, можем только мы с графом Перовским, ибо только мы сочувствуем и вам, и представлению генерал-губернатора Муравьева о немедленном занятии устья Амура. – Адмирал встал, остановив жестом попытавшегося вскочить Невельского, прошелся в раздумье по кабинету, остановился за спиной Геннадия Ивановича и вдруг положил ему руку на плечо. Невельской повернул голову и встретился – глаза в глаза – с наклонившимся к нему стариком в расшитом позументами мундире. Взгляд опытного царедворца был печален, но печаль эта не была навеяна сожалением – мол, зачем я только с тобой связался, – нет, она походила на тонкий слой пепла, под которым затаились раскаленные угли, готовые вспыхнуть огнем при самом легком поддуве. – От тебя, голуба моя, потребуется большое мужество. Представление будет рассматриваться на отдельном заседании комитета, куда могут вызвать и тебя. А потому поезжай к графу Перовскому и все ему подробно расскажи, как вот только что рассказывал мне. Он тоже должен быть во всеоружии. Драка, голуба моя, предстоит отчаянная. Сможешь ли ты стоять на своем? Ведь угроза разжалования тебя в матросы весьма и весьма велика.

Адмирал теперь уже требовательно смотрел в глаза капитана, а в душе того вскипали слезы умиленной благодарности старику – за его самоотверженное участие в почти безнадежной схватке с могущественным канцлером, за сочувственное понимание побуждений – собственно, его, Невельского, а вместе с тем и Муравьева, и экипажа «Байкала». Но, может быть, главной причиной благодарности было это теплое отеческое «ты», совсем не похожее на тыканье много старшего по званию и чину.

Невельской сглотнул подступившие к горлу слезы, медленно поднялся, не отводя взгляда, и выдохнул:

⁴ Врангель Ф. П. – выдающийся полярный исследователь, в 1829–1835 гг. главный правитель Русской Америки, в 1840–1847 гг. главный директор (председатель Главного правления) Российско-Американской компании.

– Буду стоять. До конца!

Глава 4

1

Извозчичьи санки снова несли Андре Леграна (он же Анри Дюбуа) по мартовским сугробным улицам Красноярска. Направляясь в Париж по вызову Лавалье, он не мог миновать гостеприимный дом Мясниковых, не заглянуть в милые, полные сибирской небесной голубизны глаза Анастасии. Настеньки...

Как-то она жила эти почти два года, что мы не виделись, может быть, уже давно замужем, думал он, воротником медвежьей шубы прикрывая лицо от пронизывающего ветра. Вообще-то ветер был не так чтобы очень сильный, дул с равнинного правого берега Енисея, но здесь, на гористом левом, а тем более между домами, как-то по-особому завихрился и норovil забраться под шапку и шубу то с одной, то с другой стороны. Забраться и ущипнуть кожу крепким морозцем. Будто знал, что в санках едет не дюжий молодец-сибиряк, а избалованный теплом европеец. Небось извозчика не трогает – вон как тот у шубейки ворот распахнул, лисий малахай на затылок сдвинул и что-то насвистывает, помахивая кнутом, пользоваться которым и нужды особой не было – пегая лошадка и сама бежала резво и весело.

Вот и дом Никиты Федоровича – двухэтажный дворец европейского типа с не по-сибирски большими окнами по всему фасаду. Особенно велики, да еще с арочным верхом, были пять средних, за которыми – Андре знал – находился бальный зал. Там дорогой паркет, лепной потолок, три люстры с хрустальными подвесками на пятьдесят свечей каждая, большие зеркала в золоченых рамах с завитушками, мраморные скульптурки на высоких подставках в простенках между окнами... Богато, помпезно, и во всем хоть и небольшой, но перебор, вызывающий привкус вульгарности.

Зал этот Андре хорошо запомнил, потому что накануне его отъезда в Иркутск Никита Федорович устроил бал для местной знати и купечества. Мясников в губернии был крупной фигурой, коммерции советником, кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени, следовательно, дворянином, пользовался уважением и авторитетом – посему на бал съехалось все высшее общество Красноярска. Не было только губернатора Падалки – тот находился в Иркутске на приеме у генерал-губернатора. И на этом балу хозяин представлял французского гостя с такой значительностью в голосе, что можно было подумать, будто Андре не будущий компаньон – о деловом партнерстве они успешно договорились, – а не меньше чем член семьи. Андре даже заподозрил тогда, не рассказала ли Настенька своему батюшке о том, что случилось между ними на заимке. И случилось, кстати, не единожды, а еще две ночи подряд до этого самого бала, и каждую ночь не по разу. И не только по желанию изголодавшегося Андре Настенька радостно откликалась на каждый его призыв, но и сама была заводилой любовных игр, и Андре оставалось лишь удивляться ее открытой смелости и удивительной схожести в поведении с Катрин.

Эти мысли и воспоминания прокрутились в его голове за то недолгое время, пока он ехал на извозчике от гостиницы до мясниковского дворца, пока не взялся за бронзовое кольцо дверного звонка, пока не потянул его и не услышал в глубине дома веселый трезвон. У Мясниковых на другом конце звонковой цепочки висел не один колокольчик, а целый комплект, в миниатюре повторяющий колокольный подбор Покровского собора и играющий как бы звоны при встрече архиерея. К тому же колокольцы эти были отлиты по специальному заказу и в единственном числе. «Шутка миллионщика», – усмехнулся хозяин с изрядной долей самоиронии, когда европейский гость восхитился мелодичностью звона.

Дверь открыл русокудрый парень в красной рубахе и цветной атласной жилетке. Тот же самый, вспомнил Андре, что и прошлый раз, ничего не изменилось.

– Чаво изволите? – хмуро спросил парень, видимо, не узнав гостя.

– Я к Никите Федоровичу, – ответил Андре, вдруг ощутив какую-то тревогу. Простый раз парень видел его впервые, но был несравнимо дружелюбнее. Как его зовут? Кажется, Алешка. Да, точно, Алешка.

– Нету хозяина, – так же хмуро сказал Алешка и вдруг всхлипнул.

– Что-то случилось... Алексей?

Парень удивленно вскинул красные от слез глаза и, кажется, узнал.

– Это вы, господин...

– Легран, – подсказал Андре.

– Да, господин Легран. – Алешка снова всхлипнул и посторонился. – Заходите, господин Легран. Вам будут рады...

– Да что случилось-то? – нетерпеливо спросил Андре, заходя в просторную прихожую и скидывая на руки слуги тяжелую шубу.

– Девять дён нонеча, – вздохнул Алексей. – Шапку пожалуйста.

Андре машинально отдал шапку и шарф, которым на два оборота укутывал шею, и только тут до него дошло:

– Кто-то умер? – почему-то понизив голос, почти испуганно спросил он.

Алешка кивнул:

– Хозяин преставился. Девять дён как... Вы проходите в столовую, господин Легран. Наши все там.

В столовой был накрыт длинный стол, за которым сидели в основном незнакомые Андре мужчины и женщины – все в черном. Место хозяина во главе стола занимала Анна Васильевна – в глухом платье и кружевной накидке на совершенно седой голове. По правую руку от нее сидели старшие дочери с мужьями и подростками детьми, а по левую... У Андре перехватило дыхание. Слева от матери сидела Анастасия, Настенька, а на коленях у нее – золотоволосый маленький ангел, правда, не в белом, а тоже в чем-то черном кружевном. На вид ангелу было около года, не больше. А это значит...

Ничего это не значит, одернул он себя. Настеньку вполне могли выдать замуж сразу после его отъезда. Впрочем, нет, вряд ли. Никита Федорович явно питал надежду заполучить в зятя французского негодяя и не стал бы торопиться с замужеством своей любимицы. И выходит, все-таки...

Андре появился так тихо, что на него не сразу обратили внимание. Тем более что остановился он в тени дверной портьеры, и только когда вышел из тени, Анна Васильевна, словно почуяв что-то, вскинула на него глаза. Вскинула и замерла, и лицо ее мгновенно стало столь напряженным, что все, кто смотрел в ее сторону, как по команде повернули головы, направляя взгляды на вошедшего. Мясниковские зятя и Настины сестры расплылись радушными улыбками и заглядывались на Анну Васильевну, словно говоря: «Это же Андре вернулся, матушка, наш Андре, неужто не узнаете?» Сама же Настенька зарылась лицом, вспыхнувшим ярким румянцем, в золотые волосы ангела, но левым глазом украдкой, как заметил Андре, косилась на него.

Что выражали взгляды и лица остальных, знакомы они ему или нет, Андре не интересовало совершенно – он и мясниковскому-то семейству уделил лишь мимолетные мгновения, всем существом своим устремившись к Анастасии и к тому крохотному златоголовому существу на ее коленях, которое, единственное за столом, не обратило на него ни малейшего внимания – существо сосредоточенно возило ложкой в пустой тарелке, видимо, получая удовольствие от трудноописуемых звуков. Андре все еще не понимал, сын это или дочь, но восхищенное умиление ребенком, никогда прежде им не испытанное, уже затопило сердце. Он

понимал, что надо что-то сказать, что-то сделать, но не знал, что именно, а потому просто и, казалось, беспомощно протянул руки к ним – к Настеньке и ребенку. И Настенька начала подниматься навстречу его рукам, но мать жестко ударила ладонью по столу – это был единственный звук в жутковатой напряженной тишине, охватившей столовую с появлением Андре, – и Анастасия, словно прихлопнутая, опустилась на место и снова спрятала лицо в волосах своего ангела.

– Не ошиблись ли вы дверью, сударь? – Тихий голос Анны Васильевны прозвучал для Андре набатом среди общего безмолвия. Его словно обдало ледяным ветром. – Извольте удалиться.

Андре уронил руки и невольно попятился. Он ожидал чего угодно, только не такого откровенно унижающего отчуждения. Ему нестерпимо захотелось плюнуть и послать всех к дьяволу, но дворянское самолюбие и офицерская гордость тут же восстали против такого отступления. Что ж это такое?! Да какое она право имеет?! Я, можно сказать, приехал к своему ребенку...

– Настенька, – сказал он, – ты тоже хочешь, чтобы я ушел?

Анастасия вздрогнула, быстро взглянула на него и встала, прижав ребенка к груди.

– Сядь! – сказала мать, но дочь, будто не слыша ее, отодвинула свой стул и пошла к Андре.

– Сядь на место, я сказала! – взорвались за спиной грозные слова матери, и ладонь хлестко припечатала их к столу. – Не позорь нашу семью!

Андре снова протянул руки навстречу, и Настенька не колеблясь отдала ему золотоволосое чудо – именно чудо, Андре только так и воспринял его, – нет, даже не отдала, а вместе с ребенком прижалась к нему и затихла.

2

– Итак, подведем итоги, – сказал сэр Генри, не сводя пронзительных, чуть навывкате глаз с порозовевшего под этим взглядом Остина. Сэмюэл Хилл сидел в своем кресле тихо, как мышка, и радовался, что внимание старого хищника обращено на другую жертву. – Ваша миссия, Ричард, провалена столь успешно, что теперь и вам, и мисс Эбер появляться в Иркутске и Забайкалье противопоказано. Вы там персоны нон грата.

– Сэр, кто же мог предположить, что контрразведка у русских поставлена так хорошо.

– В пограничной области, да будет вам известно, контрразведка всегда более бдительна, чем в столице.

Как оказалось, даже у русских.

– Но ведь Хиллу никто не препятствовал пройти до Охотска.

– Это говорит лишь о том, что русские своему традиционному пути на Камчатку не придают особого значения. В отличие от Амура. Вы не используете даже эйбиси⁵ анализа, Ричард. Стыдно для разведчика с таким стажем!

– Стыдно, – сокрушенно вздохнул Остин. – За вас стыдно, сэр.

– Что-о?! За меня?!

На Остина уставились две пары изумленных глаз – министра и Хилла.

– Разумеется, сэр. Ведь это у вас при неограниченных возможностях такие ограниченные разведчики, – потупил голову Остин, уголком глаза наблюдая за реакцией шефа: не переборщил ли?

Еще некоторое время в воздухе висело напряженное молчание, а затем Генри Джон Темпл откинулся в кресле и захохотал – открыто и весело. Была у него такая экстравагантная особенность – при всей сухости и сдержанности, присущих многим представителям бри-

⁵ То же, что и «азы».

танского истэблишмента, особенно состоявшим на королевской и государственной службе, министр иностранных дел, третий виконт Пальмерстон иногда вдруг взрывался искренним весельем или радостью, в зависимости от обстоятельств. Бывало, что это шокировало окружающих, но однажды, когда виконт позволил себе такую вольность в Виндзорском дворце, из соседней комнаты появилась королева и, против ожидания многих, сказала, улыбаясь: «Ваш смех, Пальмерстон, так заразителен, что у меня мгновенно прошла хандра. Смейтесь, сколько вам хочется». Это произошло еще в то время, когда между министром и королевой не пробежали черные кошки.

Сейчас лорд явно веселился, на что Хилл смотрел немного испуганно, пытаясь изобразить улыбку, а Остин довольно оскалился, как стрелок, попавший в яблочко. Все-таки он не ошибся: шутка была на лезвии бритвы, но шеф оценил ее по достоинству.

– Приношу свои извинения, Остин, – отсмеявшись, сказал министр. – Вы ловко поставили меня на место. Просто мне было досадно, что французская разведка орудует в Сибири без проблем, а вас оттуда элементарно выгнали.

– Простите, сэр, откуда известно про французов?

– Был я в Париже с визитом, – неохотно сказал Пальмерстон, – и коллега имел удовольствие похвастаться. Что с него взять – полный профан: ему даже в голову не пришло, что это – государственная тайна. Хорошо! – Министр тряхнул седой шевелюрой. – Вернемся к нашим баранам⁶. Значит, мисс Эбер осталась в Петербурге с тем, чтобы проникнуть в его высший свет...

– Да, сэр. В этом нам обещал содействие бывший директор Азиатского департамента, а ныне товарищ министра иностранных дел, фактически министр, поскольку Нессельроде как бы курирует весь кабинет. – Сэр Генри покивал: «знаю, знаю». – Мисс Эбер попытается выйти на наследника престола великого князя Александра, которому император Николай намеревается поручить руководство Амурским комитетом. Пока что он принимает участие в его заседаниях как наблюдатель, входит в курс дела. Как вы понимаете, от этого комитета максимально зависит, когда русские выйдут на Амур и выйдут ли туда вообще. В комитете и сейчас большинство противников освоения Амура, но все зависит от председательствующего: как он решит и как представит это решение императору, так и будет.

– Логично. – Пальмерстон сыграл на столе пальцами какую-то ему одному ведомую мелодию. – И каковы шансы на успех у нашей очаровательной мисс?

– Наследник, как вам, сэр, известно, уже девять лет женат, и у него только что родился четвертый сын, а всего пятый ребенок. Супруга его, как повелось у русских царей и наследников от Петра Первого, немецкая принцесса, и с семнадцати лет она то беременна, то рождает. Страстью, естественно, там и не пахнет...

– Не скажите, – перебил министр. – Дети как раз могут быть результатом страсти. И, говорят, чем сильнее страсть, тем красивее дети. У нас у всех перед глазами достаточно яркий пример. – И Пальмерстон чуть заметно кивнул в сторону большого двойного портрета королевской четы, висевшего на боковой от окна стене.

– Вы правы, – склонил голову Остин, – но только в отношении этого уникального союза. Кроме того, как известно из истории, мы с германцами одной крови. Другие же европейские дворы являют нам примеры прямо противоположные, а азиатские, к которым относится российский, и того более. Ни сам император Николай, ни его сыновья не отличаются супружеской верностью, из чего можно сделать вывод, что у мисс Эбер шансы на успех весьма и весьма значительны.

– Логично, логично, – снова выступал свою мелодию сэр Генри. Очевидно, она помогала ему думать и даже принимать решения, потому что, закончив пассаж, он изменился в лице

⁶ Дословно английская поговорка.

– из отстраненного оно приняло сугубо деловое выражение – и сказал: – Итак, от Эбер подождем результатов, миссия ее долговременная. Вы, Хилл, возвращаетесь в Сибирь и переключаетесь на Амур. По всем признакам генерал Муравьев постарается форсировать использование этой реки для военного снабжения Камчатки, а нам это нежелательно, потому что у Англии есть свои виды на Авачинскую бухту. Говорят, она такая огромная, что может вместить флоты всего мира. Но мы предпочитаем, чтобы она вмещала нашу эскадру. Поэтому вы, Остин, проходите ускоренные курсы китайского языка, после чего также отправитесь на Амур, только с китайской стороны. Задача для обоих – всячески препятствовать планам и попыткам России использовать Амур. Устье, похоже, мы потеряли.

– А если еще нет? – осторожно вставил в образовавшуюся паузу свое слово Хилл. – Бюрократия русских более неповоротлива, чем даже наша.

– Да, и инициатива у них преследуется на всех уровнях, – подхватил Остин. – Вот увидите, капитан Невельской еще поплатится за свои открытия. Устройство военного поста в устье Амура потребует новых расходов, и немалых, а русский министр финансов скорее удивится, чем раскошелится на что-то новое. Можно сказать, он – наш главный союзник в противодействии инициативам генерала Муравьева.

– Ну, не настолько же они безголовые, – почти воскликнул Пальмерстон. Это вырвалось у него непроизвольно, а потому по-человечески искренне и даже как-то по-детски беспомощно перед явной несуразностью. Поймав на себе изумленные взгляды подчиненных – им, разумеется, было чему изумиться, – глава Форин Оффис поспешил исправить положение: – Не думаю, что, заботясь о благе своей страны – а министры обязаны о нем заботиться, иначе зачем они нужны, – русские власти не заглядывают вперед. Хотя бы на несколько шагов. Но мы должны смотреть еще дальше, исходя из того, что Россия ни в коем случае не должна усилить свое военное присутствие на Тихом океане. Война с русскими не за горами, и нам следует всемерно использовать ее для стратегического укрепления морского могущества Великобритании. Сегодня на морях нам нет равных, не должно быть таковых и в будущем.

3

Вогул уже несколько минут шел за Элизой, хоронясь за выступающими домами, столбами ворот, частоколами палисадников. Девушка, можно сказать, впервые вышла на улицу без сопровождения (куда ее понесло в такой мороз? Похоже, к Волконским), и надо же было судьбе так сыграть в орлянку, что Григорий именно в это время шел в шалман на встречу с блатной компанией, доставшейся ему как бы в наследство от погибшего в горах Якутии Гурана. Она вышла из-за угла, и они столкнулись лицом к лицу, но Элиза равнодушно скользнула взглядом по бородатому мужику в низко надвинутом волчьем малахае и, не замедлив шага, прошла мимо. Не узнала, облегченно и в то же время разочарованно вздохнул Вогул. Немного помедлив, он развернулся и пошел следом. Блатные подождут, с них не убудет, а второго такого везения может еще долго не быть.

Не узнала виолончелистка некогда покусившегося на нее бывшего legionера – вот и хорошо, вот и ладно, проще будет выбрать укромный уголок, затащить ее туда, благо прохожих на улице раз-два и обчелся, и по квитаться за испытанное тогда на волжском берегу унижение.

И жалко, что не узнала, жалко – тогда ее женское сердечко затрепетало бы в ужасе и толкнуло бы назад, домой, а на пути домой – он, Григорий Вогул, и побежала бы она вперед, ища городского, чтобы позвать на помощь, только где ж его, сердешного, сыщешь в такой мороз – сидят городские в дворничьих, чай попивают, беседы с дворниками беседуют – мол, за порядком следи, разбоя не допускай, пьяных – в околоток, а чтобы жалованье повысить – денег у казны нет... Ноги бы у нее, бежавшей, от страха заплелись, и упала бы она своей хорошенькой мордашкой в грязный снег. А тут бы и он подоспел.

Думал так Григорий, криво усмехаясь, ускоряя шаг и постепенно догоняя Элизу, а черные острые глаза рыскали по сторонам в поисках подходящего закута. Вон впереди знакомые покосившиеся и приоткрытые ворота, а за ними – знал Вогул, точно знал – темный крытый двор с выходом на огороды, пятистенный дом с высоким крыльцом – усадьба купца Кивдинского. Сам-то купец был в прошлом году взят под стражу за контрабанду, да сбежал, говорят, в Китай, а в доме остались младшие дети – сын Петр Христофорович да дочка Антонина. Гуляют, проживают отцом нажитое, с варнаками знают. И он, Вогул, там бывал не единожды, и Антонину, случалось, приголубливал.

Элиза поравнялась с воротами. Вогул в два размашистых шага догнал ее, ухватив сзади за талию, забросил в приоткрытую створку ворот и юркнул следом. Виолончелистка и пикнуть не успела, Григорий зажал ей рот и поволок в самое темное место – к выходу на огороды. Она билась, хрипела, пыталась вырваться – Вогул не обращал внимания. Пускай дергается, сейчас он ей покажет и Волгу, и Якутию, а заодно и Алжир с Парижем. Где-то тут должен быть топчанок для всякой рухляди – вот на него он и уложит красулю, а там, глядишь, и сама ножки раздвинет, хотя бы из любопытства. Бабы, они такие... любопытные. Что француженки, что русские. С Сюзанной у него так и вышло. Уж как сопротивлялась, пока он ее заваливал на постель, а она, только на спине оказалась, юбку сама задрала, ноги в стороны и давай подстегивать... Ага, вот он, топчанок. И мягкость на нем имеется – кожушок драный, кули рогожные... А музыкантша-то обмякла – никак со страху в беспамятство впала? Это плохо: удовольствие будет не то – все равно что с куклой неживой...

Григорий взвалил вялое тело Элизы на топчан – тот оказался коротковат, ноги в меховых сапожках на невысоком каблуке высунулись из-под теплой шерстяной юбки и наполовину свисали над краем топчана. Григорий поглядел, прикинул: если немного подтянуть в изголовье, а ноги согнуть в коленках – будет в самый раз. Он даже ухмыльнулся, представив, как это выглядело бы со стороны:

– Bon, ma belle, allons-y?⁷

Однако прежде чем начать, решил привести ее в чувство, не над куклой же изгаляться. Он склонился к ее лицу, потрепал девушку по щеке, чтобы, очнувшись, она сразу же столкнулась глазами с его мрачно-торжествующим взглядом, и снова ухмыльнулся. И увидел, как ее красиво очерченные губы раздвигаются в ответной злой усмешке. Элиза как-то странно дернулась всем телом, и в то же мгновение Григорий ощутил глубоко вошедший в правый бок укол. Он еще не понял, что случилось, и продолжал стоять, хотя ноги уже начали подкашиваться, а глаза девушки широко распахнулись, и тяжелый взгляд из-под сдвинутых бровей словно ударил его по лицу. Он непроизвольно дернул головой, осел грудью на край топчана, потом медленно сполз и, как-то небрежно откинувшись, вольготно развалился на хорошо утрамбованной земле.

Элиза села на топчане, не глядя на Вогула, заправила растрепавшиеся волосы под меховую шапочку, потом легко прыгнула на землю и наклонилась над затихшим насильником.

– Adieu, George!⁸ – с грустной насмешливостью сказала она. Сняла рукавичку, пошарила рукой по шершавому боку черного полушубка Григория и выдернула стилет. С тонкого лезвия стекла бурая – так показалось ей в полумраке двора – струйка крови.

Элиза тщательно вытерла клинок о полушубок и убрала его в специальные ножны, спрятанные в рукаве мехового пальто.

Григорий полагал, что девушка узнает его раньше и успеет полностью испытать весь ужас своего положения, но он ошибся – она узнала его, только когда он затащил ее в глубину двора, – по характерному утробному рычанию. Ей сразу же вспомнились обрыв под соснами на волж-

⁷ Ну что, красотуля, начнем? (фр.)

⁸ Прощай, Жорж! (фр.)

ском берегу, поначалу вызвавший искреннее сочувствие комбатант из Иностранного легиона, а потом вдруг этот животный рык... Но ей преподали хорошие уроки самозащиты, и стилет всегда был при ней, поэтому она не испугалась, а притворилась бессознательной в ожидании, как себя дальше поведет зверь в человеческом облики, оживший оборотень из какой-то мрачной легенды или сказки. И выбирала момент, чтобы нанести верный, а главное – неожиданный удар. Чтобы – наверняка! *Sûrement!*

Что ж, она не подвела – ни себя, ни своих учителей. А Ваня не верил, что слабая девушка может защититься.

Она улыбнулась: милый Иван Васильевич просто не знает, с кем связался.

4

Наследник Российского престола великий князь Александр Николаевич и великая княгиня Мария Александровна давали бал в честь крещения сына Алексея.

В самом начале бала счастливые родители показали гостям атласно-кружевной кулечек, из которого выглядывало нечто круглое и красное, а на нем – две мутноватых бусинки глаз, пуговка носа и плотно сжатая ниточка рта, после чего передали явленное сокровище двум нянечкам (те мгновенно улетучились), а сами под аплодисменты зала прошли круг вальса – не столько подчеркивая торжественность момента (все-таки четвертый сын – это не то что наследник престола), сколько представляя высшему свету в грациозных движениях танца, как по-прежнему изумительно выглядит в свои двадцать шесть хрупкая и изящная Мария Александровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, как нежно и бережно относится к супруге высокий красавец-цесаревич, вылитый отец двадцатипятилетней давности.

Кстати, деда-императора и бабушки-императрицы на бале не было. Они, конечно, присутствовали на таинстве крещения, а вот прийти на бал отказались, пусть, мол, молодежь веселится и празднует. Правда, собственно молодых, то есть неженатых и незамужних, было не так уж и много – несколько девиц на выданье в сопровождении родителей да примерно столько же лихо гарцующих кавалеров из родовитых семейств, в основном же приглашены были пары, имеющие маленьких детей, – этакая прихоть Марии Александровны, которой вдруг захотелось побыть в обществе, в котором все могут *sich gesucht und gefunden haben*⁹.

Очевидно, затея удалась, потому что едва наследная пара остановилась, оттанцевав круг вальса, как Марию Александровну окружили и увлекли от мужа молодые мамыши – у них было что обсудить и чем поделиться. К Александру, в свою очередь, подошли отцы – не все они были молоды по возрасту, некоторые много старше своих жен и гораздо старше цесаревича, но все – новоявленные папаши. Александр, кивая в ответ на верноподданнические поздравления, поверх голов осматривал зал, явно кого-то выискивая и, судя по озабоченно прихмуренным бровям, не находя.

Вдруг он замер, наткнувшись взглядом на новое лицо: в сопровождении бывшего директора Азиатского департамента, а теперь товарища министра иностранных дел Льва Григорьевича Сенявина (недавно крестившего первого внука) к нему подходила элегантно одетая, с безупречной фигурой молодая женщина. Не юная и не такая уж красавица, но было в ней что-то необычное, что-то притягательное и в то же время отталкивающее, от чего внутри, может быть, в самом сердце цесаревича пробежала дрожь сладостного предчувствия. В то же время лицо и волосы незнакомки напомнили нечто давнее, казалось бы, хорошо забытое. Особенно волосы – блестящие, черные... Будучи сам светлым шатеном, цесаревич питал слабость к темноволосым женщинам, и эта слабость, умноженная на природную влюбчивость Александра, бывало, ставила его в весьма пикантные обстоятельства.

⁹ Подходить друг другу (*нем.*).

Когда он, едва выйдя из подростковых лет, увлекся польской простолюдинкой, волею судьбы ставшей фрейлиной, Ольгой Калиновской, отец, не на шутку обеспокоенный открывающейся перспективой повторения (после Константина Павловича) неравного брака, угрожающего престолонаследию, отправил юного романтика в заграничную поездку. Он надеялся, что впечатления от заграницы сотрут в душе сына воспоминания о страстной польке. Его надеждам суждено было сбыться лишь наполовину. Встретив в Дармштадте шестнадцатилетнюю принцессу Гессенскую Максимилиану-Вильгельмину-Марию, обладательницу прелестного личика, тонкой фигурки и, конечно же, роскошных темно-каштановых волос, цесаревич немедленно забыл Калиновскую и влюбился в это эфемерное создание. Причем влюбился настолько, что тут же отписал родителям о своем бесповоротном решении жениться. *Impavide progrediamur*¹⁰, как сказал бы его наставник во внешней политике граф Бруннов, нижайший почитатель канцлера Нессельроде и, по слухам, гений смерти поэта Пушкина, стихи которого Александр почитывал не без удовольствия. И цесаревич не принял никаких возражений из Петербурга. Только получив вынужденное согласие императора, он продолжил свое путешествие, направившись в Англию, где год назад взошла на престол его кузина Виктория.

И там... Цесаревичу – двадцать, королеве – девятнадцать, оба стройные, красивые, у Александра – пшеничные усики (королева любила этот признак мужественности), у Виктории – черные волосы (цесаревич, как уже сказано, находил в них особую женственность). И погоды стояли замечательные. В общем, Александр Николаевич снова влюбился, и королева, к ужасу придворных, явно отвечала ему взаимностью. Они вместе проводили все дни: завтракали, обедали, ужинали, совершали конные прогулки, беседовали в библиотеке, играли в крокет... Однажды даже поцеловались, спрятавшись в кустах акации, и обоим это ужасно понравилось. Они поцеловались еще раз; Александр увидел, как у Виктории закатились глаза, она задрожала всем телом и, кажется, даже легонько застонала и вдруг укусила его за нижнюю губу. Он понял, что она готова на все (Калиновская многому его научила), но место было уж больно неподходящее, к тому же вдруг послышались приближающиеся тревожные голоса придворных – они искали в саду свою королеву. Эти голоса отрезвили обоих. Виктория быстро оправила платье (нескромная рука цесаревича успела забраться под него довольно далеко), Александр слизнул с губы капельку крови, и, мило беседуя, они вышли из кустов.

На следующее утро, после завтрака, Виктория сказала:

– Милый Александр, сказка кончилась, пора расставаться. Вместе нам не бывать. Вы – будущий император великой России, которая не допустит, чтобы вы стали принцем-консортом, я – королева и глава Британской империи, свою корону я ни на что не променяю и престиж ее не уроню никогда. Уезжайте. Мы больше не увидимся, и дай нам Бог не стать врагами.

И он уехал, и женился на принцессе Гессенской, а с Викторией они какое-то время обменивались письмами, потом узнал, что и она вышла замуж, и переписка увяла. Врагами они пока не стали, но кто знает, что будет, время и политика берут свое.

– Ваше императорское высочество, позвольте вам представить нашу гостью из-за океана, из Североамериканских Соединенных Штатов, графиню Хелен Эбер. – Твердый голос Сенявина вернул цесаревича к действительности, и он тут же вспомнил, на кого похожа лицом и волосами эта женщина – на английскую королеву. И понял, почему ее облик так подействовал на него – это было как эхо неудовлетворенного двенадцать лет назад мужского самолюбия.

Графиня встретила взглядом с наследником и, не отводя глаз, сделала короткий, почти небрежный реверанс. Республика развращает нравы даже аристократов, подумал Александр и, внезапно ощутив, что погружается в какой-то транс, подал графине руку, та приняла ее, пальцы их встретились и обменялись исчезающе легким пожатием, которое могло обещать многое или

¹⁰ Будем идти вперед без колебаний (лат.).

не обещать ничего. Наверное, как всегда в таких случаях, мужчина понадеялся на первое, а женщина имела в виду второе.

– Я вижу, республика и аристократия вполне совместимы? – утвердительно спросил цесаревич по-английски. Вроде бы фраза ничего не значила и даже не требовала ответа, но окружающие опытные царедворцы уловили скрытое ее напряжение и незаметно отодвинулись, а потом и вовсе разошлись, как бы освобождая место для дальнейшего диалога.

– При взаимном интересе – никаких проблем, ваше высочество, – с милой улыбкой ответствовала графиня. Ее глубокий с серебристыми переливами голос подействовал на цесаревича явно возбуждающе: ноздри его крупного прямого носа раздулись, а нижняя полная губа опухла, хищно приоткрыв крупные белые зубы.

– Я надеюсь, графиня, на нашу встречу в другой обстановке, – сказал Александр, понизив голос. – По России и Европе я путешествовал, а доберусь ли до Америки – неизвестно. Хотелось бы побольше узнать о Соединенных Штатах, так сказать, из первых уст. Вы не откажете мне в такой любезности?

– Разумеется, ваше высочество. Я вся – к вашим услугам. – Графиня снова сделала легкий книксен. – Как только у вас найдется время для меня.

– Отлично. Не будем откладывать. Завтра в три часа пополудни жду вас в своем кабинете. Лев Григорьевич проводит.

– А меня кто представит столь очаровательной даме? – Веселый громкий баритон вмиг разрушил конспирологическую крепость, сложившуюся вокруг цесаревича и его собеседницы. Его обладатель, высокий и широкоплечий, при усах и бакенбардах, красавец в эполетах со звездами генерал-лейтенанта объявился из ниоткуда, оказавшись вдруг у правого плеча Александра Николаевича.

– Саша, друг мой, наконец-то! – откровенно обрадовался цесаревич, схватив генерала за плечи и слегка прижимая к груди. – Я уж думал, не захватили ли тебя абреки? Как я рад! Как я рад!

– Я тоже безмерно рад видеть вас во здравии, ваше императорское высочество, – склонил генерал кудрявую с глубокими залысинами голову.

– Брось ты, Саша, эти «высочества». Не на аудиенции, поди, а на бале. – Александр Николаевич перешел на английский. – Вот, познакомься лучше: графиня из Соединенных Штатов...

– Чего я и добиваюсь целых полчаса. Князь Барятинский, Александр Иванович, – щелкнул каблуками генерал. – Бывший командир Кабардинского егерского полка.

– Графиня Хелен Эбер, – присела в реверанс молодая женщина и протянула руку для поцелуя, чем князь тут же и воспользовался.

– Постой-постой, Саша, – заволновался цесаревич уже по-русски, – почему «бывший»?

– А Воронцов освободил меня от командования. Ему там кто-то накуковал, что я будто бы плохо отзывался о нем как о командующем и наместнике – он и отреагировал, как ожидалось. – Генерала больше интересовала новая знакомая, и он снова перешел на английский. – Графиня, неужто вы прямо из-за океана?

– Ну, не прямо... Через Европу, – засмеялась Хелен.

– Но это же нельзя так оставлять! – рассердился наследник.

– Успокойся, я тебе потом все расскажу, – на мгновение обернулся к нему князь. – Разве можно отвлекаться на мелочи, когда рядом такая феерическая гурия. – Это опять по-английски, призывно глядя в глаза женщины.

– Вы считаете себя праведником? – лукаво поинтересовалась графиня.

Сенявин, в отличие от других царедворцев оставшийся при даме, переглянулся с напряженным после вопроса графини Александром Николаевичем и счел за лучшее откланяться: начавшиеся игры были совсем уже не для посторонних ушей. К тому же бал продолжался, и

торчать столбиком возле наследника и его друга-приятеля становилось не очень удобно: начнутся в обществе пересуды, а Лев Григорьевич не любил, когда о нем сплетничали.

А графиня продолжала наступление, если не сказать – атаку:

– Что же вы замолчали, князь? Или вы недостойны внимания гурии?

Цесаревич тяжело вздохнул за его спиной, и Барятинский мгновенно все понял.

– Отнюдь, графиня, я далеко не праведник. Вот уже тридцать пять, а все еще не женат и даже детей нет. Двадцать лет шалю да воюю, воюю да шалю. Пора бы и за ум взяться. Вот с Шамилем покончим, и сразу же займусь семейным счастьем. Впрочем, простите, графиня, вам это, конечно, малоинтересно.

– Отчего же? – возразила Хелен. – Наши газеты пишут, что русские более двадцати лет воюют с Шамилем и не могут его победить.

– С Шамилем мы воюем пятнадцать лет, – уточнил генерал. – А победить не можем, потому что... ну, это – не обычная война, и наши войска допускают много ошибок.

– Ты, я слышал, начал применять новую тактику? – сказал по-русски цесаревич. – Запрещаешь жечь аулы, брать заложников...

– Воронцов и это лыко мне в строку. А тактика, между прочим, уже дает результаты: чеченцы стали отворачиваться от Шамиля. Устали, понимаешь, от войны. Кстати, придумка эта с тактикой – не моя. Попала как-то в руки мне случайно докладная полковника Муравьева, почти десяток лет пролежала в штабе под сукном. Читаю и натурально обалдеваю! Ты не поверишь: в докладной – все основы этой тактики. Десять лет прошло впустую!

– Это какого же Муравьева?

– Да недруга моего закадычного, того самого, кто сейчас в Восточной Сибири генерал-губернатором. Он тогда служил на Черноморской линии. Умнейший, оказывается, дипломат! Надо написать ему, протянуть руку мира, так сказать. – Барятинский вдруг спохватился, посмотрел на графиню, с равнодушным видом обмахивавшуюся веером, и явственно покраснел: – Извини, Саша, но мы ведем себя неприлично по отношению к даме. Она же по-русски не понимает.

Цесаревич с высоты своего роста тоже взглянул на нее.

– Да-да, ты прав. Увлёклись! – И перешел на английский: – Простите нас, сударыня. Мы решили, что тема для вас совершенно неинтересна, и... – Он замялся, не зная, как закончить.

– Топот грубых военных сапог не для таких хорошеньких ушек, – тяжелоვნосно сострил генерал, но графиня засмеялась:

– Вот уж не думала, что солдатские башмаки могут идти в ногу с комплиментом.

Оркестр на балконе зала заиграл дивертисмент. Цесаревич взглянул на часы, поискал глазами жену – окруженная дамами, она как будто почувствовала, повернула голову, поймала его взгляд и кивнула.

– Александр Иванович, дорогой мой, – сказал наследник, – графине уже наверняка надоели разговоры, и ей хочется танцевать – все-таки у нас бал. Сейчас будет мазурка. Надеюсь, ты не оставишь даму без внимания. А я уйду по-английски: у меня завтра заседание Амурского комитета, и надо выспаться. Графиня, напоминаю: мы встречаемся в три часа.

– Да-да, ваше высочество. Только – где?

– Я пришлю за вами карету. Вы остановились в «Наполеоне»?

– Да, ваше высочество.

– Вот и отлично. – Наследник, прощаясь, наклонил голову и отошел.

Барятинский проследил взглядом, как его царственный друг встретился с женой и они вместе исчезли за спинами гостей.

– Послушайте, графиня, – сказал он, поворачиваясь к американке, которая, оказывается, тоже провожала взглядом цесаревича, – а не плюнуть ли нам на мазурку и прочие полонезы и не закатиться ли в хороший ресторан? С этим Кавказом целую вечность не был в ресторане, тем

более с красивой женщиной. Поедем, а? Например, к Палкину, что на Невском. Там осетрина – попробовать и умереть! Или ягнятина на косточке – нечто умопомрачительное!..

– А что такое – Амурский комитет, где надо быть наследнику? – все еще глядя вслед Александру Николаевичу и Марии Александровне, спросила графиня. – Разве он кому-то служит?

– Служить-то он служит, как и его батюшка, Отечеству, – серьезно сказал Бятынский, – А что за комитет – понятия не имею. С кем-то, видать, амуры крутит, – опять тяжеловесно пошутил генерал и смутился под ироничным взглядом графини. – Плохо у меня с юмором, – простодушно признался он и тут же вспетушился: – Зато со всем остальным – чин по чину!

– Вы же совсем мальчишка, – засмеялась графиня. – И как только дослужились до генерал-лейтенанта!

– Сам удивляюсь, – ухмыльнулся князь, – Ну так как – едем?

– Едем!

Глава 5

1

Николай Николаевич не оторвался от бумаг, когда в дверях неслышно возникла Екатерина Николаевна.

Она умела ходить бесшумно, но он за несколько секунд до ее появления обычно предчувствовал не только это радостное событие, но и настроение, с которым она идет к нему. Предчувствовал и, соответственно, готовился.

Три года брака ни на йоту не остудили его пыл – скорее, наоборот, он теперь любил жену много больше, чем раньше, и приходил в ужас, что они могли не встретиться.

Сейчас Катрин шла к нему озабоченная; он подумал, что знает почему, и, может быть впервые, готовиться не стал. Уже целый месяц изо дня в день он пропадал в кабинете, зарывшись в кипы книг, старых отчетов и новых бумаг: генерал-губернатор готовил донесение государю императору о проведенном им обозрении Восточной Сибири. И как уж повелось, в своем послании он хотел рассказать об увиденном не поверхностно, а с цифрами сравнения прошлого и настоящего, с выкладками и предложениями – сжато и в то же время наиболее понятно, чтобы чтение донесения не вызвало желания зевнуть и забросить исписанные листы в какой-нибудь дальний ящик. Или того хуже – отдать на растерзание записным противникам и недругам. Поэтому Николай Николаевич делал выписки из книг о Сибири, рылся в отчетах своих предшественников и требовал от управляющих отделениями тщательно выверенной статистики. И весьма заботился о стиле изложения.

Предметами особого внимания генерал-губернатора были положение о Забайкальском казачьем войске и непосредственно связанное с этим предложение о выделении Забайкалья в самостоятельную область со своим губернатором (он же наказной атаман войска). О первом было писано в Военное министерство, о втором – в Министерство внутренних дел, и туда и сюда не по одному разу, да с ответами что-то не спешат господа чиновники. Теперь вот надежда на государя. Впрочем, император наверняка уже в курсе, такие дела его не минуют. Более того, граф Перовский писал, что государь ждет пояснений лично от него, от Муравьева, – значит, надобно еще раз тщательно все продумать, прежде чем докучать его величеству.

А кроме донесения императору в собственные руки Николай Николаевич еженедельно отправлял пространные письма по более мелким, но неотложным вопросам, тому же Перовскому – об устройстве дополнительных станций на Якутском тракте и ходатайстве о награждении коммерции советника, купца и промышленника Евфимия Андреевича Кузнецова орденом Святого Владимира 2-й степени за его благотворительные пожертвования, превзошедшие два с половиной миллиона рублей; свежее испеченному светлейшему князю (всего год, как получил титул) Чернышеву – о снабжении войск продовольствием, производимом гражданскими чиновниками; министру финансов – о контрабанде золотой монеты в Китай и опять же о китобойном промысле в Охотском море... Да много чего лежит на плечах генерал-губернатора половины России – Восточной империи, и за всем надо уследить, обо всем позаботиться, а в Главном управлении края всего-то шесть десятков человек, коим, кстати, жалованье давно следует прибавить и наградами поощрить – и то и другое приходится в Петербурге буквально пробивать и выбивать.

Николай Николаевич ото всей этой канители похудел так, что мундир на нем висел, как на вешалке, к тому же начала себя выказывать – и очень даже нехорошо! – печень, испорченная черноморской малярией, по какому случаю пришлось обращаться к доктору Штубендорфу. Но это ничего – заодно обсудили с ним, как обеспечивать Камчатку по медицинской части. Умней-

ший и порядочнейший человек Юлий Иванович! Николай Николаевич был страшно доволен, что доктор согласился возглавить V отделение Главного управления. К великому сожалению, мало, очень мало таких, как он, чтобы составить себе хотя бы ближайшее окружение. Таких, которые не подведут, не подставят, не дадут повода для сплетен и слухов. Которые понимают и всегда помнят, что государственные люди должны быть без червоточки, ибо, придя служить, они уже не сами по себе Иванов, Петров, Сидоров, а – советник Иванов, столоничий Петров, управляющий отделением Сидоров, то есть представители власти, а власть должна быть непогрешима!

– Николя, там Андрей Осипович пришел, – это подошла к столу Екатерина Николаевна, явно удивленная его невниманием. – Хочет проститься.

Значит, ошибся: не его здоровьем озабочена Катюша, а явлением Стадлера, теперь уже бывшего управляющего IV отделением, отправляемого в Красноярск председателем губернского суда. Стадлера, личного, можно сказать, секретаря, еще недавно слышавшего надеждой и опорой его, Муравьева, управления. Вот именно – слышавшего, раздраженно подумал он, разве можно забыть, как безобразно и даже подло подставил своего начальника этот блестящий служащий в истории с Крюковым. Если бы не Катюша с ее проникательным добросердечием, страшно подумать, что могло бы случиться!

– Извини, родная, – Муравьев отодвинул бумаги и встал, разминаясь, – но мне совсем не хочется с ним встречаться.

– Надо, Николя, – неожиданно твердо сказала Екатерина Николаевна. – Ты его не в ссылку отправляешь, а переводишь на важное место работы. Очень ответственное! Вспомни историю Татьяны. Невинную девушку осудили на семь лет каторги! Ужасно! А теперь ты не можешь добиться пересмотра ее дела.

– По моей просьбе ее освободили от каторжных работ. Она в рудничном лазарете, помогает фельдшеру.

– Но каторга все равно за ней. Еще целых пять лет!

Николай Николаевич развел руками: что поделаешь! – прошелся по кабинету, остановился у окна, глядя на снежную равнину Ангары. Катрин подошла сзади, обняла за плечи, склонив голову на эпюлет.

– Я понимаю, милый, разочаровываться в человеке тяжело, но Андрей Осипович уже и так наказан твоей немилостью. А топтать не нужно – этим ты больше унизишь самого себя. Еще неизвестно, брал он эту взятку или нет.

– Откуда ты у меня такая мудрая? – усмехнулся Муравьев. – Брал ли, нет ли, а слух прошел.

– О тебе тоже слухов не счесть. А может, о твоих верных помощниках специально сплетни распускают, чтобы ты прогнал их и остался один?

Николай Николаевич скосил глаза – завиток волос над ее лбом мешал ему увидеть любимое лицо, – вздохнул и сказал:

– Хорошо, пусть заходит.

Стадлер вошел, как всегда, с горделивым достоинством – прямая спина, гордо поднятая голова, чисто выбритые щеки (Андрей Осипович не признавал усов и бакенбардов), даже взбитая над высоким лбом черная прядь волос изображала гордую уверенность. Слегка наклонил голову, здороваясь. Муравьев кивнул в ответ.

– Я слушаю вас, Стадлер.

– Ваше превосходительство, – глуховатый голос чиновника неожиданно задрожал, но он тут же справился с волнением и продолжил своим обычным сухим и бесстрастным тоном: – Ваше превосходительство, я не жду от вас напутственного слова и не буду заверять, что приложу все усилия и тому подобное. Как я умею трудиться, вы, смею надеяться, оценили за про-

шедшие почти два года, так же будет и в Красноярске, я просто иначе не умею. А там как Бог даст.

Муравьев стоял возле стола, вид у него был отстраненный, словно он ушел глубоко в себя и не вникал в смысл того, что слышал. Да и слышал ли? Глядя на него, в этом легко можно было усомниться. Стадлер и усомнился, однако это не поколебало его решимости высказаться до конца.

– Я глубоко сожалею о случае с Крюковым, из-за которого потерял ваше расположение ко мне, но я и благодарен вам... – На этих словах Муравьев встрепенулся, даже внутренне как-то взъерошился, готовый дать резкую отповедь, однако промолчал, зато уже не уходил в себя. – Да, благодарен, потому что теперь я хорошо понимаю состояние господина Крюкова.

– Как аукнется, так и откликнется, – пробормотал Муравьев себе под нос, но Стадлер расслышал.

– Сказано абсолютно точно, ваше превосходительство. Могу только добавить, что не повторю в своей жизни промаха, подобного случаю с Крюковым. Но и вы, ваше превосходительство, примите во внимание: кто-то приметил вашу слабость верить слухам и принимать по ним скоропалительные решения и начал этой слабостью пользоваться. Будьте осторожны!

Муравьев мгновенно побагровел, левой рукой вцепился в столешницу и сдержался лишь большим усилием воли.

– Относительно вас, Стадлер, – прохрипел он и откашлялся, – я получил письмо от весьма уважаемого человека.

Стадлер кивнул:

– Знаю этого человека и знаю причину появления письма. И сожалею, что этот и мной глубоко уважаемый человек столь унизился. И Бог вам судья, ваше превосходительство, что пошли на поводу... Засим позвольте откланяться.

Он повернулся, намереваясь выйти из кабинета, но был остановлен неожиданно мягким муравьевским окликом:

– Андрей Осипович!

Стадлер чуть ли не по-военному сделал «кругом!» и выжидательно уставился на генерал-губернатора. Николая Николаевича уколола явная саркастичность подчиненного, в другое время он бы такого ни за что не спустил, но сейчас им уже овладело чувство вины перед оскорбленным человеком. Пусть хоть этим свою гордыню потешит.

– Я принимаю все ваши сожаления, Андрей Осипович. Мне, право, жаль терять такого блестящего сотрудника, но вы сами прекрасно понимаете, что после всего случившегося мы должны расстаться. Надеюсь, с Падалкой вы сработаетесь. Василий Кирилыч и человек хороший, и администратор, каких поискать. Бог вам в помощь!

Сказал вполне благожелательно, однако руки на прощанье не подал.

2

– Я лично проверил больницы и морги, все полицейские участки, допросил городских – нигде не было и нет раненых стилетом, никого в эти дни не хоронили, – горячо говорил Вагранов, расхаживая перед сидящими в креслах Екатериной Николаевной и Элизой.

– Значит, он жив, – констатировала девушка, нервно сжимая и разжимая сплетенные пальцы. – И слава богу!

– Ничего не слава богу, – сердито сказала Катрин. – Значит, опасность осталась. Даже стала еще серьезнее. Лучше бы ты его убила!

– Ну что ты говоришь, Катрин! – воскликнула Элиза. – Я же только защищалась!

– Ты думаешь, он случайно оказался на Охотском тракте?

– Но не из-за меня же!

– Стоп-стоп-стоп, милые женщины! – вмешался в спор Иван Васильевич. – Вы хотите сказать, что на Охотском тракте среди разбойников был Вогул?

Катрин и Элиза переглянулись и обе покраснели.

– Да, – нехотя кивнула Катрин. – Это он и еще один... разбойник проскакали мимо нас. Мы стреляли, но не попали.

– Екатерина Николаевна, что же вы сразу об этом не сказали?!

– Элиза не хотела тебя расстраивать, Иван Васильевич. Ты же бросился бы в погоню.

– Обязательно! Понимаете, одно дело – обычные бандиты с большой дороги, и совсем другое – охота на царского наместника!

– Как? – испугалась Катрин, – Охота на Николая Николаевича?

– Вот именно! У Григория Вогула большая обида на генерала, смертельная, можно сказать. У него французский паспорт, а его в Туле выпороли по приказу Николая Николаевича.

– Как – выпороли? Французского подданного?! За что?

– За пьянку с утра пораньше. Русскому человеку такая порка – хоть бы хны, а Вогул, вишь ты, успел европейским воздухом надышаться, для него кнут – несмываемое оскорбление.

– А ваша *mêlée*... стычка? Это тоже *outrage*¹¹? – спросила Элиза.

– Для него – да, – согласился Вагранов. – Но он вряд ли устраивал засаду на меня. Меня и в Иркутске просто убить. А вот с генералом – куда сложнее! Я думаю, что и в Забайкалье покушение – это его рук дело. – Осекся, поняв, что проговорился, и заторопился: – Я, пожалуй, пойду, Екатерина Николаевна, у меня дела.

– Сядьте, Иван Васильевич, – медленно, с нажимом, сказала Екатерина Николаевна. Вагранов со вздохом опустился на диван. – А теперь вы расскажите про покушение в Забайкалье, о котором мы почему-то ничего не знаем.

– Меня же Николай Николаевич на куски разорвет, – взмолился штабс-капитан.

– Мы ему ничего не скажем. Правда, Элиза? Давайте, мы внимательно слушаем.

И Вагранов вынужден был рассказать про камнепад на горной дороге. Довольно кратко, без излишних подробностей, и тем не менее Екатерина Николаевна воспринимала повествование очень эмоционально: краснела, бледнела, начинала ломать пальцы, на глазах ее выступили слезы. Элиза, напротив, слушала спокойно: пересела на подлокотник кресла Катрин, обняла подругу за плечи, пытаясь передать ей свое состояние, и приговаривала:

– *L'orage est passé*¹², Катрин, *l'orage est passé*! – И поглядывала предупреждающе на рассказчика, хотя он уже и так старался свести на нет опасные моменты.

Закончив, Иван Васильевич развел руками:

– Вот и все, ничего особенного. – И еще раз напомнил: – Екатерина Николаевна, вы и вправду не говорите ничего Николаю Николаевичу, он же промолчал ради вашего спокойствия.

– Хорошо, хорошо, Иван Васильевич: – Екатерина Николаевна вытерла платочком слезы, спрятала платочек в рукав. – Все останется между нами. Пусть и Николай Николаевич будет спокоен. А этого... Вогула... продолжайте искать. Может быть, его подобрали хозяева усадьбы, куда он затащил Элизу, и теперь выхаживают его, не зная, что это за человек.

– Первым делом я зашел к хозяевам. Дом-то принадлежит купцу Кивдинскому, сам он в бегах на китайской стороне, а в доме дети его младшие обретаются. Ну и без отцовского пригляда пустились во все тяжкие – не дом, а притон. Однако Вогула там нет.

– Ищите, Иван Васильевич. Пока этот Вогул жив и на свободе, не будет покоя ни Элизе, ни Николаю Николаевичу... Ни мне.

Вагранов поспешил откланяться, а Катрин, сказав про себя «ни мне», внутренне содрогнулась от ужаса: она вдруг осознала, что не Вогул играет главную роль в покушениях, а, скорее

¹¹ Тяжкое оскорбление (*фр.*).

¹² Гроза прошла (*фр.*).

всего, Анри. Насколько она успела узнать русских людей, вот даже на примере мужа, русские не умеют и не могут долго держать зла, они быстро отходчивы и склонны к всепрощению. Это потому, думала Катрин, что русские – дети общины, которая в первую очередь учит добру. И даже православные храмы построены так, чтобы люди молились все вместе, а их молитвы собирались куполом храма и через крест отправлялись к Богу. А на Западе – каждый сам по себе, и молятся все по отдельности, и в церквях нет объединяющего купола, и нет наверху креста, соединяющего человека с Богом, – тот, что над фасадом, просто знак принадлежности...

«О Господи, – мелькнуло в голове, – о чем я думаю?! Я же и так знаю, что Анри эгоист: он все делает только ради себя, и в шпионы пошел лишь затем, чтобы вернуть меня себе. А что же делать мне? Мой муж – русский, и Россия приняла меня как родную, и сама я уже православная христианка, мне так нравится молиться в храме вместе – не просто рядом, а именно вместе – с другими людьми, ощущать их тепло, биение их сердец и чувствовать, как наши молитвы устремляются к Богу. И при всем при этом я знаю их врага, врага моего мужа, врага России, который прикидывается другом, а сам... а сам...»

Катрин заплакала. Элиза обняла ее, заглянула в лицо, заговорила по-французски:

– Успокойся. Я знаю, о чем ты думаешь. Иван найдет этого Вогула, а твоего Анри вообще давно не видно. Он, видимо, уехал из Иркутска и уже не грозит ни тебе, ни Николаю.

Подруга знала историю Катрин – та сама ей рассказала после встречи с разбойниками на Охотском тракте. Рассказала обо всем, кроме попытки Анри изнасиловать и завербовать ее в шпионки. И смену имени объяснила предусмотрительностью Анри. Он предположил, что Катрин рассказала мужу про его гибель, и появление бывшего возлюбленного – живого и в такой дали от Парижа – сразу могло вызвать у мужа подозрения в нехорошем умысле.

А о насилии умолчала, потому что не хотела пачкать грязью того, кого любила когда-то давно, в прежней беззаботной жизни. Впрочем, что греха таить – прав Анри: она не была к нему равнодушна даже сейчас, после всего, что случилось. Да, у нее теперь совсем не такое чувство, как прежде, почти спокойное, ностальгически-тихое, но все-таки оно теплилось в глубине души, подобно угольку под пеплом, как говорят поэты, а иногда, от какого-нибудь дуновения, засвечивалось и даже выбрасывало искры, которые, правда, быстро гасли.

Так что же ей делать? Рассказать Николаю про шпиона или смолчать? Пока что Анри какого-то видимого вреда не принес, покушения, слава Богу, сорвались, а новые он, учитывая, что Катрин теперь знает об его участии, вряд ли будет устраивать. По крайней мере, при ней, а она Николаю никуда без себя не отпустит.

– Нет, Элиза, ты не знаешь, о чем я думаю, – сказала Катрин, вытерев слезы. – Правда, мне кажется, что я и сама не знаю.

3

А в это же самое время Григорий Вогул метался в жару на топчане. Подстилкой ему служил тюфяк, набитый сеном, такой же сенник, поменьше, был вместо подушки, а одеяло заменяла медвежья шкура.

Одинокая свеча в простеньком жестяном подсвечнике на угловой полке скупо освещала глухую каморку, стены и потолок которой были обшиты нестругаными досками. В каморке помимо топчана были еще грубо сколоченный стол и две табуретки; на одной из них у постели больного сидела русоволосая девушка в распахнутой ватянке¹³ поверх полотняной холодайки¹⁴; плечи ее прикрывал белый пуховый платок – в каморке было ощутимо холодно. Девушка то удерживала за руку мечущегося Григория, который исходил обильным потом, то меняла ему

¹³ Зимняя женская одежда (местн.).

¹⁴ Свободное платье-рубаша (местн.).

на лбу тряпку, замачивая ее в оловянной миске с водой, стоявшей на второй табуретке, то, приподнимая шкуру, проверяла повязку на боку – не сильно ли закровавилась.

Скрипнув дверью, вошел широкоплечий парень в барловой козлине¹⁵ и пимах, со свечой в руке. Девушка оглянулась:

– Тебе чего, братка?

– Как вы тутока, Антоха? Как Гришан? Не заколели? На дворе ясно, вкруг месяца радуга: шибко морозно будет! – Брат Антонины погасил свою свечу, убрал миску с табуретки, присел в изголовье Вогула, потрогал лоб и, присвистнув, покачал головой.

– Гриша то полыхат, то зубами стучит, лихоманка не отпускает, – сказала Антонина, то ли жалуясь, то ли оправдываясь. – Уж и не знаю, чё делать.

– Больк¹⁶ кровит?

– Однако уже помене. Отвар бабкин помогают. А как с лихоманкой-то быть, Петюнь?

– А я знаю? Бог даст, оклематся. А не оклематся... – Петр развел руками. – Ни к кому ведь за помочью не сунься, полиция озверела, в поместьях шарит, в избах – от подпола до подзыбицы¹⁷, анбары обнюхиват. Ежли бы не этот батин схрон, Гришан¹⁸ только бы и видели! Ладно, Антоха, поди наверх, изладь пожрать че-нито – и мне, и Гришану. А я посижу – авось, очнется.

Девушка запалила снова братову свечу и вышла из каморки.

Она оказалась в подвальном хранилище, где на полках по всем стенам, тоже обшитым необрезными досками, стояли горшки, кувшины и бочонки, на земляном полу – ящики и бочки (из бочек явственно несло запахами засолок – огурцов, капусты, грибов, черемши). На крюках висели копченые окорока – медвежьи, изюбриные, кабаньи. В больших пайвах¹⁸ – насыпью – сушеные ягоды, орехи... И еще много было съедобной всякой всячины – временно осиротевшие младшие дети Христофора Кивдинского могли не заботиться о куске хлеба насущного. Они и не заботились. Ближе к одной из стен в потолке виднелся лаз в дом, прикрытый крышкой; от него вниз вела добротная деревянная лестница. В любое время дня и ночи открывай крышку, спускайся и бери чего хочется.

Плотно закрытая дверь в каморку-схрон не пропускала изнутри ни лучика света, сама она была также замаскирована полками, так что ничем не отличалась от остальных стен. Непосвященному и в голову не могло прийти, что в подвале имеется еще одно помещение. Просто хозяин оборудовал очень хорошее, и зимой и летом прохладное подполье для хранения продуктов.

Антонина прикрепила свечу на полке на свободном местечке, набрала в паевку, кузовок, плетенный из лыка, картошки из большого ящика («Вона, уже прорастат», – пожаловалась сама себе, обрывая с картофельных глазков белые клинышки, похожие на маленькие клыки), остальное для стряпни было в кухне.

Пока готовила жарено из кабанятины с картошкой (Петюня взял с ледника хороший кусок дичины), все думала о Григории: вспоминала, как совсем случайно (пошла на огород по малой нужде) наткнулась на недвижимое тело, как они с Петюней волоком затащили его в избу, как Петюня сразу сообразил переправить раненого в схрон – они знали, что Вогул водится с варнаками, и Петюня решил, что его будут искать, – как раздевали большое безвольное тело и перевязывали рану, непонятно чем нанесенную: для ножа – мала, для шила – велика и, видимо, глубока. Григорий был в беспамятстве, стонал, ругался по-черному, в бреду грозился зарыть какую-то «суку, подстилку офицерскую», поминал генерала Муравьева, о котором Антонина

¹⁵ Куртка из козлиной шкуры с густой и короткой шерстью (местн.).

¹⁶ Рана (местн.).

¹⁷ Чердак (местн.).

¹⁸ Емкость из бересты (местн.).

знала лишь то, что из-за этого самого Муравьева отец бежал в Маймачин, а еще раненый призывал «брата Анри» не забывать «прекрасную Мадю» и что-то бормотал по-французски. Что именно, Антонина не разобрала, хотя отец нанимал ей учителя-француза, но матушка посчитала, что купеческой дочке не пристало иноземно язык ломать, а Тошке того и надо – подхвати-лась и дуй не стой на улицу к ребятам. Теперь мимолетно пожалела, что такая ветродуйка была, можно было и поменьше барничать¹⁹, но мысль эта тут же ускользнула как никчемушняя – все равно в дворянках не хаживать, а купчихе и так сойдет, – на замену пришла другая, удивившая ее своей простотой: а чего это они с Петюней столько вошкаются с этим Вогулом? Кто он им – братка, дядька? Ладно, мужик не ветошный²⁰ – глянется, помилешились²¹ вкрадче²² малость – ну и что с того? Не он первый, не он последний. Хотя за такого взамуж и бегом²³ бы пошла.

Антонина усмехнулась, передернула плечами, отчего высокая грудь под холодашкой качнулась туда-сюда – вспомнилось, как веснусь²⁴ на вечерке затащила Григория в баню на задворке поместья²⁵. Кожушок какой-то драный кинули на пол и – понеслось! От была сласть-сластёха! Ажно и сейчас – токмо вздумалось – ляжки свело и внутри загорелось! Нет, конечно, не чужой Гришан человек.

Антонина встряхнула головой и вернула мысли к главной заботе – что делать? Ну, оздоровеет Григорий, а потом? Коли ищут – рано или поздно найдут; видать, сильно он кому-то хвост прищемил. И выход, получается, только один – бежать! А куда? В Россию – далеко. Батяня говаривал, что до России на хорошей тройке не одну неделю скакать... Батяня! Батюшка! Вот к нему-то и надо Вогула направить: ему помощники ой как нужны! Скоро Хилок приедет с весточкой из Маймачина – с ним Григорий и отправится. Лишь бы одыбался поскорее!

Придя к решению, Антонина совсем повеселела, стала даже напевать себе под нос песенку из любимой хороводной игры:

Костромушка-кострома, сама барыня была,
Иссушила, искрошила своей девьей красотой...

Приготовив жарено и чай-сливан²⁶, спустилась в подполье, набрала в миски из бочек соленых огурцов и квашеной капусты, капусту сдобрила крупно порезанным репчатым луком и постным маслом, поставила штоф кедровой настойки и пошла звать брата.

Вошла в схрон и ойкнула, встретив жгучий взгляд из запавших глазниц – Григорий очнулся.

– Ну здравствуй, Антоша, – приподнявшись на локте, хриплым, незнакомым голосом сказал он. Антонина мотнула головой: у нее вдруг пропал голос. – Мне Петр все рассказал. Спасибо вам, ребята! Я ваш вечный должник!

Григорий кивнул, видимо, изображая поклон, устало упал на подголовник и жалобно прохрипел:

– Я бы чего-нибудь пожрал, а?

– А у меня все готово, – подхватила Антонина. – Но тебе на#верх нельзя, я сюды принесу.

– Тащи! И выпить не забудь! Жить сызнава начинаю, Антоха! Жить!

¹⁹ Бездельничать (*местн.*).

²⁰ Хилый (*местн.*).

²¹ Милеш – возлюбленный (*местн.*).

²² Тайком (*местн.*).

²³ Тайком от родителей (*местн.*).

²⁴ Прошлой весной (*местн.*).

²⁵ Усадьба (*местн.*).

²⁶ Крепкий чай, запавленный сливочным маслом, сырыми яйцами, сливками или молоком (*местн.*).

Глава 6

1

Капитан первого ранга Невельской, капитан-лейтенант Казакевич и просто капитан Корсаков вместе возвращались из Петербурга в Иркутск. Разговорам о прошедших событиях и встречах и о будущей службе было несть числа, и длинные перегоны между станциями пролетали незаметно. Рассказывали, правда, Невельской и Корсаков, и первый гораздо больше, а Петр Васильевич Казакевич прослыл у них лишь весьма благодарным слушателем, поскольку его никуда не вызывали, ни о чем не допрашивали. По возвращении в Петербург он был повышен в звании и до нового назначения приписан к Флотскому экипажу, что располагался на Большой Морской и набережной Крюкова канала, поэтому в меру своих возможностей наслаждался прелестями столичной жизни. Вместе с Геннадием Ивановичем они навестили Федора Петровича Литке, который несказанно обрадовался визиту своих учеников.

– Ну какие же вы молодцы, драгоценные мои, – гудел старый вице-адмирал, обнимая по очереди своих учеников и бывших подчиненных. – Спасибо, что не забываете. А между прочим, могли меня уже и не застать.

– Да вы что, Федор Петрович! – испугался Невельской. – Вам еще жить да жить!

– Я и не собираюсь помирать, – засмеялся Литке. – Мне цыганка нагадала восемьдесят с лишком лет, и я хочу все их пройти под полными парусами, с пользой для Отечества. А говорю «могли не застать», потому что получил назначение в Ревель, военным губернатором и главным командиром порта.

– С чего это вдруг? – удивился Казакевич. – Разве мало вам работы в Географическом обществе?

– Не вдруг, драгоценный мой, не вдруг. Столица наша с моря плохо защищена. Один Кронштадт на ближних подступах, а этого мало. Надо и о дальних подумать. С финской стороны светлейший князь Меншиков этим занят, а меня вот в Эстляндию определили. Ну да ладно, вы ведь не за тем пришли. Сейчас нам чаек соорудят, и вы все расскажете. Кстати, Геннадий Иванович, драгоценный мой, отчего ж вы не представили нам в ИРГО²⁷ свой доклад?

Невельской смутился:

– Князь Меншиков наложил запрет. Ввиду секретности открытия.

– А-а, ну да, ну да, – покивал Литке. – Только, думаю, кому надо, все уже знают. Шила в мешке не утаишь. Ну и бог с ними, доложите после. А мне расскажите, я секреты хранить умею.

Рассказ о походе к устью Амура затянулся допоздна. Федор Петрович дотошно выпрашивал о промерах глубин и течениях, о розе ветров и удобных стоянках и много еще о чем. Радовался открытиям, как малый ребенок, сокрушался, что такие знаменитости – Лаперуз, Броутон, Крузенштерн – допустили одинаковую ошибку, и вдруг задал неожиданный вопрос:

– А вы не допускаете, драгоценные мои, что они все-таки не ошиблись, и Сахалин был полуостровом?

– То есть как это?! – оторопели виновники исторического события. – Мы же прошли через пролив. Там нет никаких следов перешейка!

– Правильно! – Старый адмирал хитренько так заулыбался. – Сейчас перешейка нет, но это не значит, что пятьдесят лет назад его не было.

²⁷ Императорское Российское географическое общество.

– Понима-аю, – протянул Невельской. – Район чрезвычайно сейсмически активен. Бывает по несколько землетрясений в день. И вы полагаете, что во время какого-то сильного землетрясения перешеек просто провалился?

– Вот именно! – воскликнул Федор Петрович. – Провалился! Да просто погрузился на несколько метров – и все! Понимаете, драгоценные мои, – заторопился он, – ведь и Лаперуз, и Броутон посылали поисковые шлюпки, и мне как-то не верится, что их команды оказались столь легкомысленны, что не прошли вперед насколько возможно, а просто поверили собственным глазам. Уж моряки-то отлично знают, что любой поворот может создать иллюзию сплошного берега, а там и поворота нет! По вашим же выкладкам – там открытое пространство! И потом – заметьте! – ни французы, ни англичане не заметили в этих местах течения, а вы-то знаете, что оно есть, от Амура на юг! С другой стороны, давно известно, что в одних местах морское дно поднимается, появляются новые острова или растут старые, а в других – опускается. Почему подобного не могло случиться с Сахалином?

– Ну, это еще надо доказать. – Казакевич покрутил головой в сомнении.

– Думаю, теперь уже ничего не докажешь, – насупился Невельской. – Было, не было, поднялось, опустилось – пусть разбираются те, кому интересно. Сегодня факт неоспорим: Сахалин – остров, и этого открытия у нас никто не заберет!

– Да конечно, конечно! Более того, драгоценные мои, ваше открытие может оказаться вдвойне ценным, если кто-то, как изволил выразиться Геннадий Иванович, заинтересуется и докажет, что пролив образовался уже в наше время.

– Боюсь, сейчас до этого руки не дойдут, – сказал Невельской. – Сейчас куда важнее России закрепиться на тех берегах.

– А когда и где будет поставлен наш военный пост?

– Какой там военный пост, Федор Петрович? – с горечью откликнулся Невельской. – Я могу вам по пунктам сказать, что решил Особый комитет под председательством Нессельроде.

– Ну-ка, ну-ка, что он там решил с таким председателем? – Федор Петрович даже потянулся через стол, уставленный чайными приборами и всем, что полагается к чаю, а кроме того – рюмками и пузатой бутылкой ямайского рома. Чай без рома старый моряк не признавал.

Геннадий Иванович вспомнил четверг 2 февраля, когда явился на заседание комитета, вспомнил внутреннюю готовность употребить всю энергию свою и силу, чтобы убедить его членов, в первую очередь князя Чернышева и графа Нессельроде, в правильности указаний генерал-губернатора Муравьева и в точности исполнения им, Невельским, этих указаний. День был на редкость солнечный, слегка морозный, воздух переливался мириадами мельчайших снежинок, и в душе Геннадия Ивановича царили подъем и уверенность, что у него все получится. Не может не получиться, потому что два члена комитета, министры Меншиков и Перовский, мало того что на их с Муравьевым стороне, но еще и специально приглашали его к себе перед заседанием, чтобы научить, как себя правильно вести с противниками, очень недовольными тем, что за самовольные, по их мнению, действия не последовало от государя серьезного наказания. Ну, подумаешь, не дали ордена, но в чине-то повысили: теперь он капитан второго ранга.

– Вы представляете, Федор Петрович, эти столичные вельможи Чернышев, Нессельроде и Сенявин заявляют, что я ошибся в исследовании лимана и устья Амура, что им достоверно известно о больших китайских силах, охраняющих Амур, и что я наконец должен понести суровое наказание за самовольство и обман. Я, значит, там был, вот мы с Петром Васильевичем там были, все делали сами, все видели своими глазами, а они здесь, в Петербурге, оказывается, лучше знают, что к чему и почему. Ну я им на это самым уважительным тоном, как меня учили Александр Сергеевич и Лев Алексеевич, говорю: мол, мне и моим сотрудникам Бог помог рассеять прежние заблуждения относительно Сахалина и Амура и раскрыть истину. Что же касается китайской силы, говорю, то на Амуре не существует и малейшего влияния китайского правительства, гилияки – народ мирный, и если мы не примем решительные меры,

как это предлагает генерал-губернатор Муравьев, любой смелый пришелец может проникнуть в Амур из Татарского пролива и сделать тот край своей добычей. И еще я сказал, что правительство наше всегда может удостовериться в правдивости моих слов.

– Какой, однако, вы молодец! – восхитился адмирал и разлил по рюмкам густой пахучий ром. – Выпьем за смелых и решительных – за генерала Муравьева, который, несмотря ни на что, гнет свою прямую линию, – Литке улыбнулся над невольным каламбуром, – за вас и ваши открытия, драгоценные мои! За то, что не убираете паруса и флаг не спускаете по требованию противника!

Невельской и Казакевич смущенно переглянулись. Нет, они не были скромниками и заслуги свои оценивали по достоинству, а что касается пафоса, то и сами нередко им пользовались в подходящий момент, но сейчас показалось, что случился перебор. Однако что тут поделаешь – старики они и есть старики, им бы все о возвышенном, – поэтому чокнулись и выпили. Тем не менее Невельской не преминул сказать:

– Спасибо, конечно, ваше превосходительство, на добром слове, но как раз паруса нам убирать придется. Как ни защищали мой доклад Меншиков и Перовский, большинство комитета было не на нашей стороне. Почему-то до смерти боятся они неприязненных отношений с китайцами и заранее готовы на любые уступки. Единственно, с чем согласились и что вписали в указ для генерал-губернатора – это поставить зимовье неподалеку от устья, в том же заливе Счастья, поселить там двадцать пять матросов и казаков из Охотска и торговать с гиляками. А меня для этого дела откомандировать в распоряжение Муравьева. Ну и по положению о Сибири дали мне следующий чин – капитана первого ранга.

– А я у Александра Сергеевича выпросил назначение в Сибирскую флотилию, коей еще и в природе нет, – добавил Казакевич.

– А что же будет с Амуром?

– Срубим зимовье, будем наблюдать за устьем, а там – смотря по обстоятельствам. Пост на Амуре я все равно поставлю и флаг российский подниму – и будь что будет! Разжалуют в матросы, отправят на Кавказ, голову снесут – во всяком случае, Амур будет наш, – горячо сказал Невельской и подумал: «Вот и сам вознесся до небес, а старикам пеняешь». Стало немного стыдно, а верный друг Казакевич искоса взглянул и чуть улыбнулся уголками губ. Все понял, стервец!

Собственно, на этом встреча и закончилась. Никаких, казалось бы, изменений в жизнь Невельского и Казакевича она не внесла, а в жизнь адмирала – и подавно, однако его слова о парусах и флаге крепко запали в душу капитана первого ранга, и кто знает, не они ли подвигли его на дальнейшие действия на Амуре? А еще – собственное горячее заявление перед лицом своего наставника. Заявление, после которого отступить было уже невозможно.

2

Утром 4 марта Николай Николаевич наконец-то отправил императору «в собственные руки» тщательнейшим образом подготовленное донесение о путешествии на Камчатку и открытиях Невельского, о состоянии и развитии подведомственного края, а в общем и целом – о проблемах закрепления России на берегах Тихого океана и о своем видении решения этих проблем.

Огромный труд, доклад о котором мгновенно сделал бы генерала Муравьева действительным членом Императорского Российского географического общества, учрежденного недавно, всего пять лет назад, но уже зарекомендовавшего себя солидным научным, а главное – чрезвычайно полезным для познания Отечества учреждением. Это общество было подлинным детищем вице-адмирала Литке, все говорило за то, чтобы он стал и первым его главой, однако мудрый старик рассудил, что куда быстрее и эффективнее общество станет развиваться, если этот

пост займет кто-либо из императорской фамилии. Так первым председателем стал великий князь Константин Николаевич, второй сын государя.

Однако если Николай Николаевич и думал о Географическом обществе, то лишь мельком, вкупе с Невельским, а не со своим именем и даже не с Восточной Сибирью в целом – время для того еще не пришло. Тяготы путешествия, нервная лихорадка ожидания Невельского из Амурского лимана, изнурительная работа над донесением императору не могли не сказаться на здоровье не столь уж и крепкого организма генерала. Подорванная малярией печень уложила его в постель буквально в тот же день, как только ушла почта в Петербург. Начались сильнейшие головные и суставные боли, озноб и рвота – в общем, почти все признаки болезни, которой Николай Николаевич страдал, будучи командиром отделения Черноморской линии.

Целый месяц доктора Штубендорф и Персин, сменяя друг друга, старались уменьшить мучения генерала, который, кстати, переносил их весьма стойчески. Екатерина Николаевна, казалось, круглые сутки проводила возле постели мужа, несмотря на все его просьбы успокоиться и заниматься своими обычными делами.

– Какие «обычные дела»?! – восклицала Екатерина Николаевна. – Все подождет! Жена должна быть с мужем и в радости, и в горе!

Николай Николаевич брал ее изящную руку, перебирал тонкие пальцы и говорил:

– Мне очень хорошо, когда ты рядом, Катюша, но пренебрегать своими обязанностями нельзя ни в коем случае. Я не один, хуже мне не будет, а ты на виду, на тебя все смотрят, с тебя пример берут. Твой с Элизой концерт принесет людям радость и удовольствие, а их так мало в нашей жизни. И в Совете Сиропитательного дома твое слово имеет вес...

– Хорошо, хорошо, дорогой, тебе вредно много говорить. – Екатерина Николаевна ласково гладила мужа по заросшей рыжеватой щетиной щеке. – Я все буду делать, как ты сказал.

Это повторялось не раз и не два, но однажды она помолчала, словно собиралась с мыслями, потом осторожно спросила:

– Это правда, что ты обещал Волконской хорошее место для жениха ее Леночки Дмитрия Васильевича Молчанова?

– К сожалению, правда, – вздохнул Николай Николаевич.

Его лицо мгновенно покрыли крупные капли пота. Екатерина Николаевна поняла, что он взволновался, что ему не хочется говорить об этом, но, промокнув его лоб и щеки, продолжила с настойчивостью:

– И поэтому ты убрал Стадлера?

– Что значит «убрал»? – вскинулся генерал. – Перевел на очень важное место. Ты же знаешь, как плохо у нас обстоит дело с судейскими. Сплошь и рядом судят не по закону, а кто сколько даст на лапу или как начальство посмотрит. – Он говорил возбужденно, даже излишне горячо, но под пристальным взглядом жены смешался, увял и буркнул: – Ну да, убрал. Убрал, черт возьми! Как я мог отказать Марии Николаевне? Она в письме меня слезно просила.

– А Андрей Осипович, между прочим, прощался со мной тоже со слезами. Представляешь, молодой красивый сильный мужчина заплакал, как ребенок, когда сказал, что ты не подал ему руки.

Муравьев побледнел. С лица его, только что бывшего красным от возбуждения, мгновенно схлынула кровь. Он закусил губу и здоровой рукой крепко сжал руку жены.

– Зачем ты это говоришь именно сейчас? – чуть слышно произнес он.

– Затем, что сейчас ты не столь защищен своим самоуверенным упрямством и услышишь все, что я скажу. Ты слишком легко веришь слухам, особенно плохим, и потому иногда бываешь неоправданно жестоким.

Муравьев поднял руку, прося паузы, и Екатерина Николаевна послушно замолчала.

– Наверное, ты права, дорогая, но что поделать – такой уж у меня характер, и менять его поздно. – Он говорил медленно, с передышками, паузы давали ему возможность не только

передохнуть, но и подумать над следующими словами. – Но я же прислушиваюсь к тебе и что-то исправляю. Как вот было с тем же Крюковым. Не так ли? – Катрин кивнула. – Со Стадлером вышло нехорошо, конфузно, но он и сам во многом виноват. А Марии Николаевне я не мог отказать. Не мог – и все! – Снова передохнул. Жена ждала. – А Молчанов во главе Четвертого отделения будет не хуже, хотя у него за плечами не Московский университет, как у Стадлера, а всего лишь Училище правоведения, зато он много моложе и опыта набраться успеет. Что скажешь, дорогая?

Он все еще держал жену за руку, и она погладила тыльную сторону его ладони, сказала задумчиво:

– Да, моложе, но ведь и стойкости против искушений много меньше.

Николай Николаевич нахмурился:

– И снова ты права, мудрая моя. Не поддался бы соблазнам. Место для корыстолюбцев уж больно привлекательное. Впрочем, и для огульных обвинений во взятках – тоже. О Господи! Хоть в оба глаза следи. Или службу контрольную создавай из надежных людей...

– Но контроль этот должен быть скрытным, – вставила Екатерина Николаевна.

Муравьев удивленно посмотрел на нее:

– Верно. Только кто ж такую службу позволит создать, себе-то во вред? Да и где людей набрать для такой службы? Хотя... – Глаза Муравьева вдруг заискрились хитринкой, и Катрин навстречу этому оживлению улыбнулась с надеждой: может быть, оно говорит о начале выздоровления? – Есть у меня люди для этого дела. Есть! Уж один-то точно имеется, и второй, пожалуй, на примете. А больше и не надо.

3

Вагранов изменился.

В течение жизни, естественно, люди в большинстве своем меняются – чаще всего незаметно и постепенно. Очень редко кто-то остается неизменным на протяжении большого отрезка времени, о таких говорят с тщательно скрываемой завистью: «Нет, вы посмотрите, как он (или она) прекрасно выглядит! Это в свои-то годы!» – и с удовольствием напоминают о возрасте.

Иван Васильевич, наоборот, стал меняться быстро, но не внешне – для стороннего и маловнимательного глаза он был все тем же аккуратным, подтянутым, а потому для своих сорока трех лет стройным и даже, можно сказать, элегантным офицером. Честным, безукоризненно порядочным и глубоко преданным генерал-губернатору. Скорым и точным по исполнению особых поручений. А вот внутренне... да, внутренне изменился, причем за очень короткий промежуток времени, и настолько сильно, что удивился сам себе. Он вдруг почувствовал, что ему стало интересно жить и, соответственно, служить. Конечно, Иван Васильевич и прежде не скучал, тем более после появления Элизы, но с некоторых пор краски его служебной жизни, прежде однообразные и довольно тусклые, расцвели многоцветием, стали гораздо ярче, пожалуй, сравнимо с тем радостным светом, что принесла ему любовь. Это его состояние не могло долго оставаться только внутри и постепенно стало просачиваться наружу, накладывая свои оттенки и на внешние стороны жизни штабс-капитана Вагранова: уходила прочь обычная замкнутость, появились раскованность и свобода в общении.

Эти изменения первыми заметили, конечно, Элиза и Муравьев. Но ни та, ни другой не стали допытываться о причинах, видимо, считая, что со временем все разъяснится или сочтет нужным рассказать сам Иван Васильевич.

А все началось с обычного для порученца задания – остановить и препроводить в Иркутск пару английских разведчиков – так называемых геологов супругов Остин. Продумывание операции совместно с плотовщиками Казаковыми и казачьим сотником Кириком Бог-

дановым, а затем ее блестящее исполнение доставили Ивану истинное, никогда прежде не испытанное удовольствие. Оно умножилось еще тем, что «супругой» Остина оказалась хорошо знакомая по Кавказу бывшая «абхазка» Алиша.

Следующим шагом в этом направлении стало обнаружение сначала засадных лежбищ у Ленских столбов, затем банды, идущей впереди отряда генерал-губернатора на Охотском тракте. По свежести травяной подстилки на лежбищах Иван Васильевич определил, что засадники ушли совсем недавно, и предложил генералу догнать их и выяснить, на кого они охотились.

Генерал не прислушался. Посчитал, что будет зряшная потеря времени. Да и вообще не поверил, что готовилось покушение. Но вот на тракте мнение его изменилось, и засада была уничтожена.

Так в Вагранове проснулся контрразведчик. Он вдруг понял, что это дело – *его*, что следить, расследовать, пресекать вражеские поползновения в любых проявлениях – есть то самое, чего много лет ждала и жаждала, сама того не понимая, его душа. Откуда это в нем взялось, объяснить он, конечно, не мог, да и не пытался. Может быть, от отца, охотника-следопыта, с которым Иван сызмала ходил на зверя в северную тайгу, а может, каким-то образом прорвался наружу зов неведомых предков. Кто знает, с чего это вдруг в человеке, весьма далеком, допустим, от поэзии, проявляется тяга к стихосложению? Или к музыке, к живописи? Да хотя бы к садоводству, разведению кроликов или наблюдениям за погодой? Бывает, конечно, что-то передается по наследству, но вон у Бернгарда Васильевича Струве отец – знаменитый астроном, а сын в земные дела уперт, вверх толком-то и не посмотрит. Звезд с неба не хватает – это точно про него. Хотя... звезды считать – нужна жуткая скрупулезность, а ее-то у Бернгарда Васильевича просто в избытке; так что все-таки от папаши что-то перепало.

Впрочем, Иван Васильевич вначале даже не понял, как называть свои новые устремления. К его несказанному удивлению, их точно определила Элиза, когда ей надоело ждать от возлюбленного какого-либо объяснения происходящих перемен, и она спросила его напрямик.

Он тогда вернулся из командировки в Забайкалье – Муравьев посылал расследовать обстоятельства бегства из-под стражи Христофора Кивдинского, – был веселый и злой одновременно, и это, как ни странно, очень ему шло, а потому ужасно нравилось Элизе.

Перед ужином Иван Васильевич доложил генералу результаты расследования, они вместе вышли к столу, за которым их ожидали Екатерина Николаевна и Элиза, оживленно говорили, даже шутили, что случалось не столь уж и часто. Вагранов рассказал забавную историю про Корнея Ведищева, как козел его на березу загнал и продержал там до самого вечера; передал от старика берестяной короб с кедровыми орехами и бутылку козьего молока.

– Это – чтоб здоровье было крепким. И старый просил напомнить о вашем обещании, Николай Николаевич, взять его на Амур.

– Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается, – помрачнел Муравьев.

– И я ему то же сказал, почти теми же словами. А Корней мне: ничё, говорит, Иван, и пяти годков не минет, на Амур Расея двинет; будет дураком из дур, коль забудет про Амур.

– О, стихи! – восхитилась Элиза. – Корней есть поэт! Русский Теофиль Готье!

Все засмеялись, кроме генерала.

– Поэт, поэт, – проворчал он. – Его бы стихи да правительству в уши.

– Он не поэт, он – ясновидящий, – серьезно сказала Екатерина Николаевна, положив свою тонкую руку на покалеченную мужнину. – Мне почему-то кажется, что так и будет.

Когда разошлись по своим спальням, девушка потребовала, чтобы Иван все ей рассказал как можно подробнее.

– Да что там рассказывать! – усмехнулся Вагранов, обнимая ее. – Я так по тебе соскучился!

– И я, – шепнула она прямо ему в ухо. – Бистро-бистро раздевайся и иди ко мне.

Сама тоже поспешно освободилась от лишней одежды и хотела скользнуть в кровать, но Иван перехватил ее и крепко прижал к себе. Они оба очень любили это соприкосновение, горячее и плотное, когда непонятно как все выпуклости и впадинки на их телах совершенно фантастическим образом укладывались друг в друга, не оставляя малейшей щелочки, воплощая наяву и телесно расхожее утверждение о единстве душ. Оба мгновенно пьянели от такого слияния, теряли голову и могли без усталости ночь напролет повторять много раз пройденное и на ходу изобретать новые положения и движения в безумном танце любви.

Танец любви – это придумала, конечно же, Элиза, а Вагранов, не слишком умелый в обычных танцах, с радостью с ней согласился. Он никогда не забывал, что был когда-то простым вятским охотником и рядовым солдатом, и слова прелестной *musicienne* стали для него как бы высшей оценкой его способностей и возможностей настоящего мужчины.

Однако в эту ночь Иван не сумел выступить во всей своей красе – сказала усталость от длинной дороги, – и испугался, что Элиза останется недовольной, но любимая все поняла, успокаивающе огладила его мускулистое тело, еще вздрагивающее, как вулкан после извержения, попутно приласкала своего любимца, доставляющего ей неописуемое наслаждение, и устроилась головой на широкой груди.

– А теперь, Ваня, рассказывай! En detail!²⁸

Увиливать уже было невозможно, и Вагранов начал рассказывать о своем расследовании, постепенно все больше увлекаясь и горячась. Он не сомневался, что бегство Кивдинского подстроено верхнеудинским исправником Шамшуриным, который оказался старым знакомым штабс-капитана еще по Кавказу. Иван Васильевич был убежден, что поручик предательски сдал тогда укрепление горцам, но Муравьев не поверил, что русский офицер способен на такое, решил, что это – простое разгильдяйство, и по-свойски начистил виновнику физиономию.

– Шамшурин? – наморщила лоб Элиза. – Смешная фамилия!

– Хорошая русская фамилия, – сердито возразил Иван. – Только человек ее носит нехороший, за деньги готовый все продать.

– Ты стал другой, Ваня, – сказала вдруг Элиза. – Ты теперь кто?

– Как – кто? – удивился Вагранов. – Офицер для особых поручений.

– Нет. Ты и раньше был для особых поручений, но тебе было скучно.

– А-а, вон ты о чем. Да, теперь мне не скучно. Я не знаю почему, но служить стало интересно.

– Это потому, – серьезно глядя ему в глаза, сказала девушка, – что у тебя талант. Ты есть настоящий *contre-eclaireur*²⁹.

Вагранов понял и испытал что-то вроде потрясения. Он и слова-то такого не знал, а насколько же оно верно обозначило его новое поприще. Ну да, он – против вражеской разведки и вообще против врагов России и генерал-губернатора, что, по сути, одно и то же, потому что в его, Вагранова, понимании все служение Муравьева предназначено лишь на пользу царю и Отечеству. Но откуда столь непростое слово с таким глубоким смыслом известно его Элизе, этой нежной и тонкой, восхитительно прелестной девушке, которая со своей виолончелью должна быть невероятно далека от этой грубой, порою кровавой работы?

– О, я его придумала! – засмеялась любимая. – Для тебя!

Она, конечно, шутила: такое слово просто не придумаешь. Значит, не захотела отвечать. Эта мысль царапнула Ивана, однако волна радости, оттого что нашлось точное определение его личным действиям, замыла легкую царапину. Как замечательно: он – контрразведчик! Надо будет завтра же сказать Николаю Николаевичу и попросить его, чтобы все поручения такого рода давались именно ему, Вагранову.

²⁸ Подробно (*фр.*).

²⁹ Контрразведчик (*фр.*).

Муравьев новому слову особо не удивился, возможно, знал его во французском языке – спросить Иван Васильевич постеснялся. И не потому, что стыдился незнания языка, – сам не зная почему, он не хотел связывать это слово с Элизой.

Генерал сказал только:

– Главные враги, Иван, сидят в столице, до них тебе, как до неба, не дотянуться. А у нас вряд ли будет много таких поручений. Но я твое пожелание учту и, если что-то такое возникнет, буду иметь в виду.

Вот кого посчитал Николай Николаевич первым человеком, пригодным для новой службы.

По случаю возвращения из Петербурга Корсакова, а вместе с тем – приезда Невельского и Казакевича Николай Николаевич, вопреки возражениям жены и врачей, встал с постели и облачился в рабочий мундир.

– Вы что, смеетесь? – сказал он негодующим по этому поводу. – Офицеры прибыли из столицы, можно сказать, от самого императора, а генерал их будет принимать, лежа на перине?

Екатерина Николаевна лишь руками развела, а Штубендорф и Персин, не решаясь возразить, удалились, сердито фыркая. Принимал генерал приехавших в кабинете, всех разом. Каждого сердечно облобызал, усадил на кожаный полукруглый диванчик возле низкого столика, достал из застекленного шкафа бутылку коньяку, хрустальные пузатые рюмки (Невельской улыбнулся незаметно под висячими усами – уж очень обстановка напомнила уголок отдыха в кабинете Литке), а в довершение – большую плитку шоколада. – Какая роскошь! – не удержался от восхищенного вздоха Казакевич. – Неужто наш, российский? – Увы, Петр Васильевич, увы! – отозвался Муравьев, расставляя и раскладывая угощение на столике. – Швейцарский. Уж так мы в России устроились: коньяк пьем французский, шоколад едим швейцарский, а платим за все это своими богатствами. Ладно, хоть хлеб да масло за границей не покупаем. Он сам разлил коньяк по рюмкам, разломал шоколадную плитку на дольки – по-походному, прямо на обертке.

– А что в этом плохого, Николай Николаевич? – возразил Казакевич. – Все страны так торгуют: продают то, что сами производят, и покупают то, чего у них нет.

– А что, у нас нет винограда, чтобы делать коньяки? Да на Кубани и в Грузии его завались! Научись и делай! Может, даже будет лучше, чем вот этот «Курвуазье». Ну какао для шоколада нет – ничего не скажу, надо покупать. А что мы производим на продажу? Сырое железо да меха, лен да пеньку. А за границей из нашего железа делают машины и нам же продают втридорога. Из льна плотно ткнут тончайшее, из пеньки – канаты плетут... И мы все это у них покупаем, вместо того чтобы делать самим.

– Но как быть, если у нас не получается?

– Не получается? А Аносова Павла Петровича, губернатора томского, надеюсь, знаете? – Все согласно кивнули. – А то, что он русский булат изготовил, лучше дамасского? Тоже знаете. Прекрасно! А зачем он это делал? Ну, есть уже дамасская сталь – и хорошо, давайте ее покупать, мехов на это хватит. Нет, он голову ломал, опыты ставил, здоровье на этом подорвал – для чего? А для того, чтобы Россия сама эту сталь производила! И даже не эту, а еще лучше! Не сырое железо, из которого даже плуг не скуешь, а лучшую в мире сталь! Вот он – подлинный гражданин нашего Отечества, его не будет, а имя останется!

Николай Николаевич, как всегда, когда заходил разговор о величии России, разволновался, лицо его покраснело, пару раз он порывался вскочить – натура требовала движения, но удерживался, хотя это стоило таких усилий, что выступил пот на лбу, волосы растрепались. Все забыли про коньяк и шоколад, с которых начался этот страстный монолог – слушали генерала, задумавшись каждый о своем.

– И вот вы, Геннадий Иванович и Петр Васильевич, что вам не служилось в Петербурге, под теплым крылом великого князя, генерал-адмирала? Какое вам было дело до Амура, Сахалина, до наших богом забытых окраин? – Муравьев требовательно уставился на моряков.

Невельской и Казакевич переглянулись.

– Да такое же, какое и вам, Николай Николаевич, – сказал Невельской. – Или вот Михал Семенычу, – кивнул он на Корсакова, даже не пытавшегося вступить в разговор.

– Не-ет, – погрозил пальцем генерал. – Нас с Мишей сюда послал император, мы тут на службе, а вас через два океана вела любовь к Отечеству, призывали честь его и слава. Великие это вещи, господа, – любовь, честь и слава, обращенные к Отечеству! И простите мой пафос, у кого они есть в сердце, тому Бог многое дает, и имя того человека остается в памяти поколений. Ваши имена останутся, я в этом уверен. Вот за это и выпьем, господа!

5

Для отдыха и подготовки к исполнению новых заданий Невельской и Корсаков получили от генерала всего неделю. 27 марта прибыли из Петербурга, а 3 апреля уже надо было отправляться.

Корсакову Муравьев поручил перевод в Петропавловск Охотского порта. Личных дел у капитана никаких не было, поэтому, получив от шефа соответствующие подробные инструкции, Михаил Семенович неделю наслаждался ничегонеделаньем.

У Невельского были конкретные указания Амурского комитета, Муравьев же, став непосредственным начальником капитана первого ранга, дал свои, которые полностью совпадали с намерениями Геннадия Ивановича, а именно – воспользоваться любым удобным случаем и поставить на устье Амура военный пост, российский флаг там должен быть поднят как можно скорее.

Ответственность всю он брал на себя. Невельской попытался не согласиться с таким распределением ролей, но Муравьев сказал строго и непререкаемо:

– Геннадий Иванович, вам действовать самостоятельно опасно вдвойне: во-первых, за своеволие должен буду вас наказать я как своего подчиненного, во-вторых, государь, по представлению Амурского комитета, а представление будет самое жесткое, потому что вашей крови жаждут Нессельроде и иже с ним. Они и моей крови жаждут, даже в большей степени, вот только ручки коротковаты. Мне может грозить лишь выговор от государя, да и то вряд ли это случится – наш император весьма умный и достаточно дальновидный правитель, он живет интересами Отечества, а чего интересы эти требуют на побережье Тихого океана, вы и сами знаете много лучше меня. Так что извольте принять мои указания в устном или, если желаете, в письменном виде. Я от своих слов не откажусь где угодно.

Невельской склонил голову в знак принятия предписания, но поинтересовался:

– Вы, ваше превосходительство, когда думаете отправиться в Петербург?

Муравьев понимающе усмехнулся:

– Прикидываете, успеете ли выйти на Амур?

Невельской развел руками:

– От вас ничего не скроешь. Имею такой шкурный интерес.

– Ну почему же шкурный? Подход в нашем случае правильный: семь бед – один ответ. Давайте посчитаем. Третьего апреля выезжаете, где-то в первой половине мая будете в Аяне, оттуда идете к лиману, в июне-июле заложите зимовье и, надеюсь, сразу на Амур. В общем, в сентябре можно ждать от вас известия о закладке поста. Как вам такой план?

– Я не привык оценивать передвижения по суше, но, на мой взгляд, план более чем хорош. Особенно его последняя часть. И все-таки: когда вы намерены отбыть в Петербург?

– Разрешение на приезд я получил. Через пару недель почта доставит в Петербург мой доклад государю о состоянии края, его скопируют для заинтересованных министров – пусть изучают и готовятся к обсуждению. Если, разумеется, государь даст на то указания. И можно было бы приезжать, но, как писал граф Перовский, императора все лето и половину осени в столице не будет, а без него мне там делать нечего. Так что поеду где-то в конце сентября – начале октября.

На том и порешили, и генерал отправил капитана первого ранга отдыхать, набираться сил перед новой дальней дорогой.

Однако отдыхать Геннадию Ивановичу было положительно некогда. Ему следовало выполнять обещание, данное Катеньке Ельчаниновой, жениться на ней по возвращении из Петербурга. Правда, осуществить это именно сейчас не представлялось возможным из-за срочного отъезда, но сделать предложение руки и сердца его обязывала честь офицера-дворянина, а больше того – то блаженно-умиленное состояние, в которое он впадал при одном воспоминании о золотых кудряшках и небесно-голубых, переполненных влагой озерах. Он не рискнул бы назвать это состояние любовью, поскольку не испытывал муки страстного влечения к девушке – просто чувствовал при виде Катеньки, как его сердце начинало испускать потоки нежности, которая окутывала их обоих эфирным облаком.

Наверное, его ощущения можно было передать и другими словами, но у него почему-то находились только такие – восторженно-возвышенные и наивно-поэтические.

Для официального предложения нужны были цветы, но Геннадий Иванович понятия не имел, где их можно раздобыть в Сибири в конце марта. На помощь пришла Екатерина Николаевна.

– Думаю, цветы найдутся в оранжерее Волконских. Давайте спросим у Миши, он с Иваном Васильевичем как раз занимается сейчас какими-то бумагами в кабинете Николая Николаевича.

Миша Волконский прошлой весной окончил гимназию с золотой медалью, а с осени, по возвращении Муравьева с Камчатки, был определен к нему чиновником для особых поручений. Этому предшествовали письмо императору и переписка генерал-губернатора с главным начальником Третьего отделения князем Алексеем Федоровичем Орловым касательно использования детей декабристов на государственной службе. Персонально за Мишу ратовала его тетушка, сестра Марии Николаевны, невестка князя Орлова, и шеф жандармов поддержал ее ходатайство, а Муравьев дал юному Волконскому блестящую характеристику. Именно Михаила он и имел в виду как второго человека, пригодного для тайной службы под руководством Вагранова. Ни генерал, ни штабс-капитан пока не раскрывали юному чиновнику сути этой службы – просто он получил назначение как «особое, строго секретное поручение» и сейчас усердно, вместе с Иваном Васильевичем, занимался изучением личных досье чиновников Главного управления на предмет возможности мздоимства.

На вопросы домашних, которых очень интересовало, чем же там занимается их любимый сын и брат, Миша, обычно веселый, любящий пошутить, ответил коротко:

– Выполняю особые поручения его превосходительства, – и распространяться дальше не стал.

Родители и особенно сестра поворчали, но больше не допытывались. Лена, у которой стремительно приближалась свадьба с Молчановым, новым управляющим IV отделением Главного управления, попыталась что-либо разузнать у жениха, но Дмитрий Васильевич, к неудовольствию невесты, тоже ничего не смог сказать.

Секретность работы Вагранова и Волконского соблюдалась неукоснительно, поэтому приход в кабинет Екатерины Николаевны и Геннадия Ивановича застал их врасплох. Оба вскочили, торопливо захлопывая папки с бумагами, и вытянулись чуть ли не в струнку. Особенно, конечно, Миша, который, став чиновником, вдруг начал робеть в присутствии Екате-

рины Николаевны и даже как-то назвал ее «ваше превосходительство». Екатерину Николаевну это сильно рассмешило, и она с той поры стала звать его Михаилом Сергеевичем, чем поначалу привела юношу в еще большее смущение, но затем он выправился и даже начал шутить по этому поводу. Постепенно между ними установилось нечто вроде игры или ритуала.

Вот и сейчас Екатерина Николаевна, не обращая внимания на замешательство, вызванное их появлением, обратилась к молодому Волконскому:

– Михаил Сергеевич, у господина Невельского к вам нижайшая просьба.

Миша поклонился сначала ей:

– Да, ваше превосходительство, – затем Невельскому: – Слушаю, Геннадий Иванович.

Невельской вдруг засмутился:

– Понимаете, Михаил Сергеевич, я слышал, у вашего батюшки есть оранжерея...

– Да, есть, правда очень небольшая. А что вас интересует? Лимоны, апельсины? Или, может быть, цветы? Ими матушка и Лена занимаются.

– Вот-вот, – обрадовался Невельской. – Именно цветы!

Миша округлил свои и без того большие серые глаза:

– Господин капитан первого ранга, вы собираете гербарий?

Вагранов фыркнул:

– Михаил Сергеевич, Геннадию Ивановичу нужен букет. Он свататься идет к Катеньке Ельчаниновой.

Глаза Волконского стали еще больше:

– К Катеньке Ельчаниновой?! – В его голосе настолько отчетливо прозвучала нотка утраты, что Муравьева и Вагранов удивленно переглянулись.

– Да, – твердо сказал Невельской. Он тоже почувствовал внезапную напряженность ситуации и, как всегда в минуту опасности, внутренне подобрался. – К Катеньке Ельчаниновой. А что вас волнует, мой юный друг? У вас тоже были виды?

– Н-ну, скажем так, *piā desideria*³⁰, – все еще, казалось, затрудненно произнес Михаил, однако, увидев посуровевшее лицо Невельского, тут же мальчишески разулыбался: – *Magna res est amor*³¹, особенно любовь героя, *et nos cedamus amoris*³². Простите, Геннадий Иванович, из меня еще гимназия не выветрилась. Пойдемте, матушка с радостью вам подберет букет. А батюшка счастлив будет пожать вашу руку.

Екатерина Николаевна и Вагранов остались вдвоем. Помолчали.

– Пойду и я, – сказала Екатерина Николаевна. – А вы работайте, как работали.

Вагранов кивнул, но продолжал стоять. Екатерина Николаевна остановилась в дверях, обернулась:

– Я тоже в гимназии заучивала латинские афоризмы, и духовник наш, патер Огюстен, их любил. Сейчас вспомнила: «*Gemitus dolores indicat, non vindicat*». «Вздых обнаруживает скорбь, но не освобождает от нее». – Она замолчала, задумалась. Молчал и Вагранов, вполборота глядя на нее. Она вздохнула. – Какой благородный мальчик! И какой сильный! Смеется, а у самого на глазах слезы.

³⁰ Благие пожелания (намерения) (лат.).

³¹ Великая вещь – любовь (лат.).

³² Покоримся и мы любви (лат.).

Глава 7

1

Танюха Телегина уже год как исполняла обязанности помощницы фельдшера в лазарете Газимуровского сереброплавильного завода. Ее вместе с группой каторжанок, у которых срок наказания был невелик, перевели сюда с Калангуйского рудника и здесь расконвоировали, здраво рассудив, что женщины вряд ли побегут от более или менее спокойной жизни в неведомую, полную волков и медведей тайгу. Начальник Нерчинских заводов Кабинета его императорского величества принял к исполнению пожелание генерал-губернатора облегчить положение заключенных женщин, особенно молодых, которые скоро освободятся и перейдут на поселение. Им предстоит осваивать новые земли, обзаводиться семьей, детей рожать, а от замученных непосильным каторжным трудом вряд ли получится здоровое потомство. Начальник не одобрял мечтательных устремлений генерал-губернатора, но противиться им не мог, поскольку начальствующий в крае по должности был его куратором.

Танюха таких тонкостей, разумеется, не знала, она даже не связала изменение в своей жизни с тем случаем на руднике, когда спасла жизнь высокому начальнику.

Дело ее в суде не пересматривали, перевели на завод не одну, а в числе других почти двух десятков молодых баб и всем дали послабление – ну и слава тебе господи!

Работы в лазарете было немного. Фельдшер Савелий Маркелыч тщательно следил, чтобы ни среди работных людей, ни в их семьях не появлялось никакой заразы, чтобы на рудном дворе и в плавильных цехах надзиратели заботились о безопасности, это отметил даже приезжавший с проверкой из Иркутска доктор Штубендорф, ну а несчастные случаи – кто же их может предусмотреть?

Вот и сейчас в палате лежал плавильщик Кузьма Саяпин – два дня как товарищи по цеху принесли его с обширным ожогом левой ноги, случилось непредвиденное – при разливе серебра в опоки обломилась ручка разливной ложки, и расплавленный металл выплеснулся на выставленную вперед ногу. Савелий Маркелыч смазал ожог сильно пахнущим бальзамом собственного приготовления, перевязал чистой длинной тряпицей – фельдшер называл ее биндой, – Кузьма помылся с мылом, лег в чистую постель и мгновенно уснул. Проспал он весь день и всю ночь, а наутро в лазарет пришла рыжекудрая Любаша Вепрева, каторжная подружка Татьяны, с нарывом на ладони, увидела спящего Кузьму и прямо-таки остолбенела, забыв про свой нарыв.

– Ой, Танюх, кто это? – спросила шепотом. – Упасть и не встать!

Татьяна пригляделась – она как-то внимания не обратила, а он и впрямь красавец-парень. Русые волнистые волосы обрамляли чистое округлое лицо со вздернутым носом; пшеничные усы и борода не скрывали чуть толстоватых красных губ, слегка приоткрытых во сне (ох, и сладко, поди-ка, с таким целоваться, подумала Татьяна и тут же устыдилась нескромных мыслей: Гринька-то ничуть не хуже – только где ж он, дролечка ее нецелованный?); широкие плечи и бугристые от затаенной силы руки, лежащие поверх серого суконного покрывала, выдавали богатырскую натуру. Да-а, хорош – ничего удивительного, что Любаша так взволновалась, ведь из восьми лет каторжных работ, на которые ее осудили за убийство богатого насильника, четыре года она отмотыжила на руднике, и ни разу не было у нее настоящего мужика.

Нет, мужики, вообще-то, были, всё при них, да и как без этого в двадцать-то лет, когда, несмотря на каторжный труд, кровушка играет так – аж в глазах темнеет, и надо ее унять, хоть

как-то утихомирить, а мужики тут как тут – но никого из этих бывших, как говорила сама Любаша, не хотелось назвать *настоящим мужчиной*. Так, шелупонь! Поддержаться не за что.

Вообще-то Татьяна, по сути, знать не знала и ведать не ведала, что же это за зверь такой – *настоящий мужик*. Любашу спросить почему-то постеснялась. Да, заташил ее однажды в постель Митрий Петрович Дутов, она особо и не сопротивлялась, да и любопытство одолело: как это – спать с мужчиной. И не сказать, что было противно – скорее даже наоборот, да и щедрость его пьяную не раз потом испытала, а сердце-то молчало. И не потому, что он не собирался на ней жениться – и сам не обещал, и она не мечтала, – поскольку в Шадринске у него колготились жена и трое ребятишек, – просто она уже от жизни ничего хорошего не ждала. Да и то сказать – кому нужна девка, пускай даже из себя раскрасавица, ежели у ней в глухой деревне хвост – пятеро сопливых мальчишек и девчонок с отцом и матерью вдогонку, а приданого – шиш да кукиш, на них счастья не купишь.

Так вот сердечко у Танюхи и молчало, покуда не появился на постоялом дворе Гринька Шлык и не сграбастал ее в охапку. Сграбастал – и девка едва не сомлела, такие у парня оказались руки – могутные да ласковые, это и сквозь шубейку почуялось. А и сомлела бы, кабы не примчался сокол залетный Митрий Петрович и всю ее жизнь не порушил своей наглою самостью да смертью дурацкой.

Порушил? А может быть, туда ей и дорога, этой прежней жизни? Глядишь, кончится каторга, и новая жизнь прорастет? Не понарошку ведь Гринька поклялся ее сыскать...

– Ну чего ты воды в рот набрала? – прошипела Любаша. – Уж не сама ли глаз на него положила?

– Ой, скажешь тоже, – отмахнулась Танюха. – Я о Гриньке думала. – И добавила шепотом: – А этот – Кузьма, плавильщик по серебру. Ногу обжег. Савелий Маркелыч дал ему что-то, так он второй день без просыпу.

– А вот и нет, – неожиданно сказал Кузьма и открыл глаза. Танюха и Любаша в голос ахнули: глаза у него были синие-синие, будто летнее небо в зените. И глубокие – утонуть и не вынырнуть! Не парень – девкам смерть неминуемая! А он еще и ухмыльнулся, показав белые крупные зубы: – Я уже целную четвертину часа не сплю, за вами, девоньки, присматриваю. Уж больно вы ладны да пригожи – даже не выберу, каку приголубить.

– Ишь ты, – подбоченилась Любаша. – Он не выберет! Глянем ли мы на тебя, верно, Танюх?

– И чья ж ты будешь, такая рыжая да языкатая? Я навроде всех девок в деревне знаю. Неужто с острога?

– А ежели с острога, так и прочь с порога? – не унималась Люба. – Нет, ты погляди, Танюх, сам приписной, а от каторжанки нос воротит.

– Кто воротит? Кто?! – Кузьма от возмущения даже сел на топчане и ноги свесил. Тряпка на левой сползла, открыв большое буро-красное, в сочащихся сукровицей трещинах пятно ожога, но парень не обратил на это внимания.

А Любаша обратила. И жалость, извечная женская предвестница любви, вспыхнула в ее сердце, отразилась кумачом на щеках, заставила упасть перед парнем на колени и бережно-бережно начать разматывать задубевшую повязку.

Кузьма замер, боясь ворохнуться, глядел на рыжую макушку головы, слегка качающуюся вместе с движениями девичьих рук, и молчал.

А Татьяне показалось, но, может, и впрямь увидела, как между ними замерцали радужные нити. Они возникали из ничего и протягивались, переплетаясь, сначала от рук Любашки к обожженной ноге, потом от ее груди к груди Кузьмы и наоборот. Они словно пеленали парня и девушку в общий кокон, и Татьяне стало радостно от этого зрелища, и внутри у нее что-то зазвенело и запело, но она тоже молчала, не смея голосом или случайным жестом помешать рождающемуся на ее глазах единству душ и сердец.

Сегодня утром Таня проснулась с улыбкой на губах. Это случалось так редко, что она уже и не помнила, когда было последний раз, и поэтому решила, что день должен быть особенным. Да еще и сон показался столь желанно-провидческим, что ничего кроме улыбки недоверия вызвать и не мог. Приснилось ей, что у них с Любашей большой дом на две половины, что стоит он на берегу большой реки, на которой дымит высокой трубой маленький кораблик. И от этого кораблика, стоящего у причала, идут к дому два статных парня-казака в полной амуниции – сабли на боку, карабины за плечами, на шароварах широкие желтые лампасы; у одного из-под картуза буйно лезет рыжий чуб, а у другого – пшеничный. А они с Любашей стоят каждая у своих ворот и знают, что встречают не просто парней, а свою судьбу.

– Чур, мой – рыжий, – говорит Любаша и смеется заливисто.

И тут Татьяна видит, что рыжий – это Кузьма-плавильщик, а пшенично-кудрый – Гринька Шлык. А казаки раскрывают руки, зовут к себе, и они с Любашей враз срываются с места и бегут, бегут к этим рукам, этим парням-казакам, бегут навстречу своей судьбе...

Такой вот случился сон – столь радостно-счастливый, что никакой веры ему не было. И вдруг – начал сбываться. Хотя бы для подруги верной – Любаши: она уже встретила свою судьбу, и дело осталось за малым – чтобы срок каторги ее кончился, а Кузьма стал казаком. Верно, будет это еще нескоро, ежели не надумает Господь чудо совершить, однако по всему видать, начало чуду уже положено: осторожно и бережно опустил плавильщик свою широкую ладонь на рыжую голову девушки и погладил, а Любаша уткнулась лицом в его колени, обхватила их руками, и плечи ее мелко-мелко задрожали.

2

Татьяна, пятясь, потихоньку выскользнула из палаты и ушла в свою безоконную каморку, которую ей выделил Савелий Маркелыч, проникшись ее историей. Бесконвойным каторжанам запрещалось ночевать за пределами острога, но фельдшер, по его словам, пользовался у старшего надзирателя уважением и потому без проволочек получил разрешение для своей помощницы.

Татьяна знать не знала, что ее добрый и участливый «начальник» немного лукавит: старший надзиратель, в соответствии с неведомым фельдшеру указанием, сам предложил поселить бесконвойную Телегину при лазарете, и Савелию Маркелычу пришлось скрепя сердце приспособливать под жилье чулан, заваленный разным хламом. Хлам вынесли в сараюшку во дворе лазарета, на освободившуюся площадь перетащили из палаты топчан с постелью, и у Татьяны появилось место, про которое она могла сказать не только товаркам каторжанкам, но и кому угодно: «Я пошла домой». Вот казарму в остроге назвать «домом» ни у кого бы язык не повернулся, а этот крохотный чуланчик, в котором кроме топчана помещалась лишь колченогая табуретка, принял свое новое звание, как показалось Танюхе, радостно и даже горделиво и старался окружить хозяйку теплом и уютом.

А Савелий Маркелыч скоро убедился, что постоянное присутствие помощницы в лазарете весьма для него удобно: больные всегда под присмотром, в помещениях чистота и порядок, а бинды выстираны и смотаны. И за лекарственными травами ходить вдвоем куда как лучше. Больше того, он стал учить помощницу всему, что знал сам, а она с радостью впитывала новые знания и умения – мало ли что, вдруг пригодится.

И еще было одно обстоятельство, сделавшее пребывание бесконвойной Телегиной при фельдшере жизненно ему необходимым. Савелий Маркелыч больше тридцати лет прослужил при Газимуровском заводе, здесь и жену года два как схоронил. Детей у него не было, кухарку заводить не по карману, потому ел он что и как попало, и желудок уже начинал побаливать. А Татьяна ходила питаться в острог три раза в день, теряла много времени, и однажды Савелий Маркелыч предложил ей заниматься готовкой у него дома, это в двух шагах от лазарета.

Девушка согласилась сразу, без церемоний и смущений засучив рукава взялась за стряпню; с первого же обеда Савелий Маркелыч понял, что поступил исключительно благоразумно, начал с удовольствием пользоваться свалившейся на него радостью чревоугодия и незаметно для себя привязываться сердцем к красавице-каторжанке. Не как вдовец, ищущий новую жену – нет, скорее как мужчина, никогда не имевший детей и не знающий, как с ними себя вести и вдруг обретший взрослую дочь. Он привыкал к ее постоянному присутствию рядом или неподалеку, говорил и двигался осторожно, словно боялся обидеть неловким словом или неверным жестом. Обидеть так, что она развернется и уйдет. Навсегда. Он, похоже, даже не задумывался, что идти-то ей некуда, что свою каморку при лазарете она почитает как ниспосланную небом за ее безвинные страдания, и тихо стыдливо радовался, что тянуть каторжанскую лямку Татьяне еще целых четыре года, а там, глядишь, и на поселение останется. И станет для него настоящей дочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.